

БЕРНАР ПОЛЬРЭ

Двусмысленности КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА¹

Значимость знания в современных экономических структурах может сегодня считаться общепризнанной. В ней убеждены и теоретики эндогенного роста (макроэкономический mainstream), и эксперты Организации экономического сотрудничества и развития или же Европейского Союза, и микроэкономисты информации, и специалисты по менеджменту, разрабатывающие инструменты анализа и оценки знания или интеллектуального капитала фирмы. Таким образом, центральное положение знания в экономике не является камнем преткновения для экспертов и аналитиков. Разногласия вызывает значение, которое следует приписать этому центральному положению. В этой статье мы покажем, что знание представляет собой характерный элемент современного капитализма и основу для построения новой концепции, а именно когнитивного капитализма. Эта концепция служит определению той фазы или эпохи капитализма, в которой накопление на основе эксплуатации и присвоения знания является качественно преобладающей формой накопления.

Выражение «когнитивный капитализм» представляет собой сочетание прилагательного ‘когнитивный’ и существительного ‘капитализм’. Оно подразумевает, следовательно, различие между понятием общества (которое можно рассматривать в разных аспектах, таких как промышленное общество, общество знания...) и понятием капитализма. Поэтому когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. Этим наша концепция отличается от той, что принята в Организации экономиче-

¹ Специально для *Логоса*.

Я сердечно благодарю Карло Верчеллоне за помощь в работе над текстом, ответственность за который, разумеется, целиком лежит на мне.

ского сотрудничества и развития. Кроме того, когнитивный капитализм следует понимать как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному.

В понятии «когнитивного капитализма» слово ‘капитализм’, возможно, является смысловой доминантой. В сравнении с аналитическими трудами на тему общества знания, оригинальность тезиса о когнитивном капитализме состоит в постановке вопроса: как и на каких условиях возможна капиталистическая организация общества, когда основные виды деятельности строятся вокруг знания, творчества и информации? Напомним, что не следует смешивать рыночную экономику и капитализм. Эти понятия в некотором смысле даже антонимичны. Если под рыночной экономикой подразумевать организацию экономической деятельности, регулируемую в значительной степени рынком, функционирующим на основе конкуренции и обеспечивающим таким образом некоторую эффективность, то эта экономика не является необходимым условием существования капитализма, а может даже оказаться препятствием для него. И наоборот, капиталистические структуры, развиваясь, разрушают структуры конкуренции, которые характеризуют рыночную экономику. Капиталистические предприятия имеют тенденцию пользоваться рынком для развития возможностей получения дохода, для их стабилизации и накопления, а также для создания механизма эксплуатации. Они вызывают нарушения структур конкуренции, пытаются использовать и по возможности наращивать свою власть.

Что такое капитализм? По характеристике Ф. Броделя, это социальная организация, которой свойственны международный размах обмена, господство финансового и спекулятивного сектора и наличие доминантных позиций. Капитализм зиждется на принципе бесконечного накопления капитала и на механизмах, которые обеспечивают возможность такого накопления. Среди них немаловажны практики господства и эксплуатации, извлекающие выгоду из статуса труда как товара. Но механизмы накопления не являются незыблемыми. Капитализм развивается, и накопление принимает все новые формы.

Изучение роли знания в эпоху когнитивного капитализма и возникающих в связи с этим очагов напряжения позволяет выявить проблемы и двусмысленности, связанные с вышеуказанным различием рыночной экономики и капитализма. В самом деле, в большинстве экономических рассуждений за принцип анализа принимается статус знания как товара. Однако своеобразная природа знания (или информации²) придает ему такие специфические свойства, которые затрудняют его свободное обращение и присвоение, чем и обуславливается необходимость институциональных (например, патентование и страхование) или организационных (координационных) инструментов, обеспечивающих в некото-

² Многие авторы (вслед за Arrow 1962) практически не различают эти понятия.

рой степени нормальное³ функционирование рынка информации. Хотя подобное рассуждение в своей основе вписывается в рамки экономического анализа рынка вообще, изучение конкретных ситуаций и явлений приводит к смещению анализа в другую плоскость. Так, от теоретического вопроса о рынке часто переходят к изучению поведенческих моделей присвоения знания и необоснованного протекционизма, т. е. стратегий и маневров для обхода рыночных механизмов и получения сверхприбыли. Затем переходят к выявлению институциональных механизмов, способных не только обеспечить функционирование рынка информации, но и в некоторых ситуациях расширить и стабилизировать потенциальную прибыль участников.

Однако такой подход к когнитивному капитализму неудовлетворителен с точки зрения эпистемологии знания. Хотя он и позволяет выявить злоупотребления, перекосы и властные стратегии, в основе его лежит концепция информации и знания как имущества и как «предмета», которая не соответствует, по нашему мнению, их природе. Мы полагаем, что знание не может быть «опредмечено» и что его нельзя рассматривать как «имущество», не рискуя впасть в фетишизацию товара и гипостазирование социальной связи. Поэтому подход к когнитивному капитализму, определяющий его крайности, парадоксы или противоречия с точки зрения знания, определенного как предмет, не представляется ни удовлетворительным, ни убедительным, при всей его частичной плодотворности. Фактически некоторые хотят придать информации и знанию «опредмеченную» товарную форму, поскольку существующие механизмы обращения знания как товара им просто выгодны. Так общественно-полезными целями (призыв к инновациям и преумножению общественного благосостояния) прикрывается появление институциональных инструментов, без которых можно было обойтись или которыми можно было воспользоваться иначе. Такая концепция знания и информации есть, следовательно, не что иное, как идеологическая конструкция.

Альтернативный подход состоит, если коротко, в том, чтобы рассматривать любое знание как знание «некоего объекта неким субъектом». Всякое знание подразумевает наличие «знающего» и инкорпорировано в нем. Никакое знание не может находиться в обращении независимо от человека — носителя знания. То, что попадает в обращение при помощи носителей, не являющихся человеком, с нашей точки зрения, является не знанием, а сведениями, данными или, в определенных (см. ниже) случаях, информацией. Сказанное подразумевает, что контроль и эксплуатация знания проходит через контроль над живыми людьми, их жизнью и деятельностью в качестве когнитивных субъектов.

Дополнительную сложность представляет разнообразие форм знания. Зачастую рассуждения экономистов, касаются они когнитивного капита-

³ Эта интерпретация приближается к анализу либерализма, предложенному Foucault 1978—79.

лизма или нет, основываются на некоторой собирательной идее знания. Все формы знания оказываются смешанными или по умолчанию рассматриваются как однородные. В итоге может получиться в лучшем случае приблизительный и временный результат, не подтверждаемый детальным анализом механизмов когнитивного капитализма. Ниже мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

Наш подход критичен. Мы, авторы тезиса о когнитивном капитализме, не преследуем апологетических целей. Капитализм отнюдь не становится приемлемым от того, что превращается в когнитивный. Недостаточно признания доминантной позиции науки и техники, чтобы абстрагироваться от скрытых намерений участников и от социально-экономических условий развития когнитивного капитализма. Относительно же вопроса, не является ли когнитивный капитализм при всех своих «несовершенствах» в конечном итоге путем прогресса, скажем, что, прежде чем отвечать, следует выяснить, что подразумевается под «прогрессом».

В первой части статьи мы представим тезис о когнитивном капитализме; во второй изложим главные институциональные трансформации, в которых он особенно проявляется; в третьей подойдем к важнейшему вопросу — к концепции знания. Мы изложим, а затем подвергнем критике, интерпретацию когнитивного капитализма, сходную с той, которую в 90-е годы XX века называли «новой экономикой». Мы придерживаемся концепции знания как человеческой способности, т. е. качества, воплощенного в индивидах. На основании этой концепции в четвертой и последней части мы покажем основное напряжение, свойственное когнитивному капитализму, а именно противоречие между, с одной стороны, стремлением к творчеству и «когнитивной свободе» и, с другой, мерами, принуждающими основных агентов этого процесса вовлечь в трудовую активность последние оставшиеся им пространства автономии. Мы развиваем здесь исключительно точку зрения экономиста, но экономиста *гетеродоксального*, т. е. открытого историческому взгляду на явления и подходам других, неэкономических дисциплин.

Тезис о когнитивном капитализме

Тезис о вступлении в новую эпоху, названную когнитивным капитализмом, отталкивается от идеи, что определенный тип накопления, основанный на знании и творчестве, имеет тенденцию занять в динамике общества центральное положение. Знание и информация составят основной источник производительности. Когнитивный капитализм — это вид капитализма, в котором знание (в широком смысле, включающем и науку, и другие формы знаний) становится доминантой в процессе накопления. Таким образом, мы подразумеваем под когнитивным капитализмом природу и форму такого капитализма, который возникает, когда он превращает способы производства, социализации и потребления знаний в основные, не меняя при этом своей сущности, т. е. оставаясь структур-

но и глобально стабильным. Эта ориентация на доминирующее накопление заменяет собой вид накопления, который преобладал в промышленном капитализме и предпочитал вложения в машины и в организацию труда.

Отметим для ясности: своеобразный характер капитализма, который мы называем когнитивным, не обязан своим появлением возросшему значению науки и знаний. Без постоянной мобилизации науки и технологии были бы невозможны историческое развитие капитализма и экономический прогресс, которые начались уже во времена промышленной революции. Трансформация природы, осуществляемая капитализмом (и в результате которой он сам претерпевает трансформацию), «полностью является производной от накопления знания, воплощенного в создании материальных благ (орудий труда и машин), которые в конце концов способствуют удовлетворению потребностей»⁴. Накопление знания есть лишь один из видов накопления, просто в прошлом он не был главным. Знания и умения как предмет накопления, поэтому, не являются главным отличительным признаком когнитивного капитализма. Принципиально то, что в современном капиталистическом обществе и в соответствующем ему типе накопления их положение становится господствующим. Впервые это свойство отметил Маркс. П. Вирно так резюмирует тезис из его ставшего впоследствии знаменитым *Фрагмента о машинах*:

В силу автономии по отношению к производству абстрактное знание имеет тенденцию к тому, чтобы стать ни больше ни меньше как главной производительной силой, отодвигая на задний план расщепленный на повторяющиеся операции труд. Встает вопрос о знании, объективированном в основном капитале, о знании, воплощенном (или, точнее, «вометалленном») в автоматизированной системе машин⁵.

Марксу принадлежит выражение *general intellect* (общий интеллект; у Маркса по-английски), которое впоследствии стало широко применяться для обозначения абстрактных знаний, «составляющих, однако, эпицентр общественного производства и организующих всю совокупность жизненных обстоятельств». Сегодня вместо «абстрактного знания» мы сказали бы вслед за Вирно «эпистемологические парадигмы». Общий интеллект проявляется не только в производстве; он организует «весь жизненный контекст» (Virno). Иными словами, когнитивный капитализм есть нечто большее, чем новый способ производства. Это новая цивилизация. Согласно провидческим *Экономическим рукописям* Маркса, в современных общественных формациях, использующих машины и автоматизированные системы, знание занимает положение главной производительной силы. Именно в этом отличие статуса знания в современном капиталистическом обществе по сравнению с обществами прошлого.

⁴ Cotta 1977.

⁵ Virno 1992.

Сегодня еще более, чем в промышленном капитализме, уже не только предприятие производит знание, распоряжается им и использует его. Этот процесс неминуемо становится общественным и диффузным. На практике благодаря стремительному развитию технологий системного анализа и системного технико-экономического проектирования (system analysis, system engineering, system design...) огромная часть экономического пространства принадлежит обширным и разветвленным техническим комплексам, которые выходят далеко за пределы одной фирмы. В системе, основанной на децентрализованной частной экономике, главным является вопрос о присвоении знаний, о контроле над ними, определении места и участников его производства, т. е. вопрос об идентификации процессов и условий, необходимых для «усвоения» знаний капиталистической структурой общества, проблем и напряжений, возникающих в результате этой ассимиляции, и институциональных способов интеграции (превращение в товар или общественную собственность и т. д.). Естественно, что и вопрос о самой природе знания также приобретает особое значение.

Институциональный подход к когнитивному капитализму

Ход наших рассуждений в значительной степени вписывается в перспективу т. наз. школы регулирования, отводящей важное место институциональным факторам. Согласно ей, «каждое общество обладает своей конъюнктурой и подвержено присущим ему структурным кризисам», так что преодоление кризисов может произойти «только через объединение институциональных нововведений, способных направить в нужное русло логику торговли, которая, будучи оставлена без узды, становится потенциально взрывоопасной»⁶. По поводу рассматриваемой здесь нами проблематики мы не утверждаем, что социальные институты обязательно призваны направлять в нужное русло потенциально взрывоопасную торговую логику. Действительно, если учесть своеобразие знания и информации, они не вписываются автоматически в логику торговли. Наоборот, их превращение в товар — организованный процесс, а статус товара поддерживается институционально. Как только процесс превращения знания в товар завершен, его результат приносит разнообразные возможности использования этого товара и дальнейшего развития. Здесь нет противоречия с институциональным подходом. Его уместность становится, наоборот, более очевидной, поскольку экономическая деятельность, связанная со знанием, невозможна без соответствующего оформления и упорядочения на институциональном уровне.

В основе методики школы регулирования лежит признание существования пяти институциональных форм: денежной системы, отношений наемного труда, различных форм конкуренции, способа включения

⁶ Boyer & Saillard 2002.

в международную систему и государственного режима⁷. Мы попытаемся перечислить некоторые институциональные проявления возникающего когнитивного капитализма и сопутствующие ему напряжения, оставаясь по возможности в рамках школы регулирования. Мы не будем рассматривать все имеющиеся формы, но добавим новые, получающие теперь особое значение (права собственности, разделение труда, система образования...).

1. Отношения наемного труда при когнитивном капитализме

Важность отношений наемного труда в теории регулирования «состоит в том, что они характеризуют тип присвоения прибавочной стоимости в капиталистическом способе производства»⁸. Именно изучение отношений труда и капитала позволяет охарактеризовать природу и интенсивность противоречия между ними и, соответственно, природу и степень их взаимодополняемости. В когнитивном капитализме становление труда как независимой творческой силы меняет одновременно природу прибыли и условия ее присвоения фирмой. Эта последняя демонстрирует паразитическое и хищническое поведение в той мере, в какой извлекает выгоду из коллективно созданного когнитивного потенциала. С другой стороны, умственный потенциал и реактивная способность служащих приносит прямую выгоду фирме, склонной рассматривать служащих как «основной капитал», производительность которого трудно оценить; работнику достается поэтому заранее установленная плата. Глубинные изменения логики производства меняют природу профессиональных идентификаций, компетенций и знаний. Наиболее интересен здесь переход от системы профессиональных отношений, построенной на квалификации, к системе, основанной на компетенции. Как объяснить такой переход?

Вырисовываются два основных ответа на эти вопросы. Большинство экономистов ссылается на глобализацию и терциализацию экономики, технологические инновации, перемены в конкуренции, которые предполагают изменения внутри самого понятия организации труда, а именно иерархической структуры и тэйлористского понимания организации труда. Функцию двигателя при этом как будто выполняют новые информационно-коммуникационные технологии. Сторонники этого направления говорят в первую очередь о завершении превращения концептуального труда в товар, а также о способности к инновации, в том числе у «операторов». Организация труда меняется радикально в том смысле, что теперь она главным образом «определяется с точки зрения клиента»⁹. «Логика клиента» приходит на смену стратегии качества¹⁰, и это в значи-

⁷ Boyer 2004.

⁸ Boyer & Saillard 2002.

⁹ Deprez 2002.

¹⁰ Ughetto e.a. 2002.

тельной степени меняет иерархию: ответственность перед клиентом или потребителем услуг вклинивается в иерархические трудовые отношения. Клиент вторгается в организацию труда, которая прежде оставляла функцию связи с ним на попечение отделов обслуживания. Это ослабляет прямой иерархический контроль и усиливает контроль со стороны коллег, равных по званию. Такая новая логика обуславливает возросшую ответственность сотрудника за его положение на рынке труда. Однако нестабильность занятости требует разделения этой ответственности, поэтому, например, работодатель должен обеспечивать сотруднику возможность постоянного повышения квалификации.

Другие выдвигают на первый план силовые отношения в сфере труда. Согласно этой концепции, учет компетенций призван смягчить нарушения «фордистского компромисса». Представители этого направления защищают идею преемственности между «моделью квалификации» и «моделью компетенции». Согласно им, неолиберализм создает «новые отношения наемного труда»¹¹, «примиряющие растущие расхождения между трудом предписанным и трудом реальным, поскольку последний все более завязан на отношениях, взаимодействии»¹². Некоторые отмечают преемственность между двумя моделями и считают, что понятие компетенции было использовано, чтобы разрушить социальные компромиссы, основанные на квалификации. По их мнению, «применение этого понятия является, следовательно, существенно идеологическим»: модель компетенции позволяет, без лишнего афиширования, переориентировать производство на интересы рынка.

2. Организация и природа труда

В современном капитализме природа и разделение труда претерпевают явные перемены. Тезис о когнитивном капитализме определяет и характеризует некоторые из них, в частности, зависящие от эволюции роли знания.

а) Преобладающая *роль нематериального труда*. Следует ли говорить о когнитивном или о нематериальном труде? Разумеется, когнитивный труд имеет нематериальный характер, но 'нематериальность' шире 'когнитивности'. По мнению Хардта и Негри, с точки зрения современной экономической науки нематериальный труд содержит три аспекта: (i) коммуникативный; (ii) взаимодействие символического анализа и решения проблем и (iii) производство аффектов и манипуляция ими. Они настаивают на чрезвычайной важности последнего аспекта «с его фокализацией на производительности телесного и соматического». Экономика только начинает сейчас интересоваться двумя первыми аспектами нематериального труда. Труды Г. Саймона, который еще в 40-е годы начал

¹¹ Lichtenberger 1999.

¹² Deprez 2002.

говорить об основополагающей функции решения проблем (problem solving)¹³, получили все еще относительно слабый отклик. Третий аспект нематериального труда формулировался до сих пор очень редко¹⁴.

б) Пересмотр *категории времени* как критерия измерения и стоимости труда. Когнитивный труд неизмерим с точки зрения стоимости труда, т. е. в зависимости от времени, затраченного на производство. Этот тезис был впервые изложен самим Марксом в *Экономических рукописях*:

По мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи их агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь, зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству¹⁵.

Продолжая это рассуждение, можно поставить вопрос об уместности закона стоимости в современной экономике: «Живой труд приобретает гегемонический статус тем более, что закон стоимости или, скорее, мера эксплуатации становится устаревшей и бесполезной»¹⁶. Один из парадоксов современного капитализма состоит в том, что вопрос меры продолжает занимать центральное место, несмотря на упомянутые трудности. С одной стороны, капитал сводит к минимуму рабочее время; с другой, время работы представляется единственным источником и единственной мерой богатства. Мы пребываем в фетишизме, поскольку мера не соответствует действительности.

в) Само *понятие труда* становится все более экстенсивным: «Сегодня под трудом мы подразумеваем всю сферу социальной деятельности»¹⁷. Труд выходит за отведенные ему пределы. Он теперь завязан на все время жизни. Негри использует слово 'излишек' (excédence) для обозначения продукта «жизнь», которая сама выступает (когнитивным) трудом, поскольку по определению является производительной и творческой. Если труд продолжает занимать центральное положение, то по причине своей децентрализации, т. к. он распространился на все акты жизни, поэтому нам следовало бы отказаться от старого значения слова «труд», которое принимало во внимание только его материальную или «институциональную» форму.

г) Определяемый по его когнитивной емкости и, следовательно, по «мощности», *труд* может считаться «*основным капиталом*», эффективность которого есть проявление знаний или «общего интеллекта» в двух его формах: «общего» научного труда или отношений трудового сотруд-

¹³ Simon 1947.

¹⁴ Например, du Tertre 2000.

¹⁵ т. 46, ч. II, с. 218.

¹⁶ Negri 1997.

¹⁷ Negri 2006.

ничества. «Общий интеллект» получил разнообразные и противоречивые интерпретации. В частности, потому что Маркс как будто говорит об основном капитале и объективной мощности системы машин и воплощенных знаний. По мнению же П. Вирно, «общий интеллект» становится, наоборот, атрибутом живого труда, в то время как этот последний все больше и больше предстает в форме языковых действий»¹⁸. Что касается нас, то мы интерпретируем это выражение как обозначающее «общие знания», т. е. общий уровень знаний, в среднем соответствующий уровню образования в данной стране. Отметим, однако, что поскольку знания социальны (по своему происхождению и по характеру воспитательной и образовательной деятельности), они автоматически определяют способность отдельного человека к сотрудничеству.

д) В когнитивном капитализме живой *труд* становится *языковым и коммуникационным* в значительной, если не в преобладающей степени. Труд стал работой по решению проблем¹⁹. Вовлеченность в проекты и временные системы усиливает гибкий, мобильный и коммуникативный характер труда. Язык — это еще один аспект общего и социального характера производительности труда. Его природа как общественного блага просматривается еще более четко, чем в знаниях. По Марксу, язык — это вот-бытие общества, естественный для него и неотчуждаемый способ существования. Развитие телекоммуникаций располагает к значительному развитию услуг, выполнение которых основывается на языке. Известно, что, например, в отделе обслуживания клиентов Gateway 2000, 92% запросов на починку компьютеров решаются по телефону. В 8% случаев нет необходимости замены компонентов или какого-либо вмешательства на месте. Механическая часть основного капитала все менее и менее важна в сравнении с нематериальным трудом, т. е. программным обеспечением, *software*²⁰. П. Вирно выделяет два способа мыслить сотрудничество, соответствующие двум различным практикам: (i) объективный тип, когда «каждый отдельный человек делает различные специфические вещи, которые затем приводятся в единство инженером или мастером...» и (ii) субъективный, «когда значительная часть индивидуального труда состоит в развитии, усовершенствовании и интенсификации самого сотрудничества. ... В постфордизме преобладает второе значение сотрудничества»²¹. Это различие, по нашему мнению, уместно использовать для определения статуса знания в фордизме и постфордизме: в первом случае новое знание исходит от рабочих, собирается инженерами и выражается в форме предписаний и распорядков, к которым должны приспособиться все рабочие; во втором случае ожидаются и поощряются проявления способности работников к созидательному труду и к само-

¹⁸ Virno 2001.

¹⁹ Simon 1947.

²⁰ Marazzi 1996.

²¹ Virno 2002.

стоятельной эксплуатации знаний. Это логика самоорганизации²², при которой способы функционирования в существенной части возникают на местах, а не являются результатом какого-либо задания или предписания извне.

е) Эволюция *разделения труда* и нашего подхода к нему. Современное усиление когнитивного аспекта труда несовместимо с определенным расщеплением практических задач и видов деятельности. Разделение когнитивного труда не может основываться на тех же принципах, что и разделение материального труда, хотя бы потому что различны их критерии производительности. Действительно, априори трудно предположить, что можно измерить производительность знания, которая в ситуации массовой диффузной интеллектуальности частично является результатом сотрудничества. В общем, не может быть объективных критериев разделения труда, если труд содержит значительную когнитивную долю, за исключением тех случаев, когда когнитивный труд принимает те же формы и подчиняется той же логике, что и механическая или иная программируемая система. Известно, что тэйлоризм не исчез, в том числе и в сфере услуг²³. Часто в этой сфере языковое взаимодействие и применение коммуникативных способностей сведено к минимуму. Впрочем, там, где языковое взаимодействие и имеет место, оно опосредуется программируемыми техническими средствами, сильно ограничивающими и стесняющими деятельность операторов. Языковое взаимодействие кодируется и касается лишь одного оператора на одном терминале или контрольном пункте.

ж) Значительное *сокращение прямого рабочего времени*. Во многих случаях продолжительность рабочего времени перестала быть фактором организации труда и не позволяет представить ее как заслуживающую доверия меру стоимости и затрат на производство. Особенно в секторах интенсивного потребления знания рабочее время, отведенное для производственной деятельности, представляет собой лишь второстепенный источник производительности труда человека²⁴. Поэтому экономическая эффективность подлежит оценке чаще всего постфактум; при этом невозможно предугадать и проследить процесс ее образования, как это было при фордистской организации производства. Характерна происходящая утрата четкости разграничения рабочего пространства, на работе и вне

²² См. Paulré (éd.) 2005. Однако категория явлений, к которым применяется здесь понятие самоорганизации, радикально отличается от тех областей, к которым оно обычно применяется в экономике и которые чаще всего касаются явлений, связанных с рынком.

²³ Этот факт несколько не ставит под угрозу тезис о когнитивном капитализме. Мы не утверждаем, что когнитивный капитализм занял все пространство производства. На этой, как и на всех предшествующих стадиях развития капитализма, позднейшая форма сосуществует с предшествующими и включает их как составные части.

²⁴ Zarifian 1995.

ее, на предприятии и вне его, что выражается, в частности, в нарастающей сложности и нелинейном характере систем. «Когда работа превращается в нематериальный труд, и нематериальный труд признается фундаментальной основой производства, этот процесс затрагивает не только производство, но и весь цикл 'воспроизводства — потребления'»²⁵. Грань между рабочим и свободным временем, или временем воспроизводства, размывается. Впрочем, и общий характер новых технологий (т. наз. *general purpose technologies*) приводит к отсутствию дифференциации между временем работы и отдыха с точки зрения используемых способностей и инструментов, поскольку оба все больше включают в себя взаимодействие с экранами и другими устройствами, предполагающими умственную деятельность.

з) Некоторые исследователи считают, что *интеллектуальная* и *нематериальная рабочая сила стремится к автономии* от капиталистического контроля. Это обстоятельство имеет двоякое значение. Речь здесь идет, с одной стороны, об эпохальном обретении рабочим классом своей автономии, достигнутой «сопротивлением» (слово предложено Фуко и подхвачено Негри) капиталу, и, с другой — о конкретной автономии в текущей производственной деятельности. К эпохальной автономии мы еще вернемся, а пока, во втором значении, в когнитивном капитализме, субъекты производства самоучреждаются как бы «в тенденции» до и независимо от деятельности предпринимателя: «Предпринимательская функция, персонифицирующая капитал, должна признать независимое от нее учреждение социальной и трудовой кооперации на фабрике, предприятии или в высокоспециализированном секторе услуг и подчиняться ей»²⁶. Если допустить онтологическую автономию принципа творческих способностей служащих или пользователей, то мы готовы присоединиться к этому утверждению. Однако мы не поддерживаем тезис о том, что работники наделены автономией, потому-де что их творческие способности находят конкретное употребление совершенно свободно от капитала и против него. Мы полагаем, что знания, воплощенные в людях, поддерживаются и развиваются с опытом. Поэтому если иметь в виду знания, не входящие в категорию «общих», то когнитивные способности сотрудника зависят от его функций и должностей, которые он занимал. Нам представляется важным различать между общими и специальными знаниями. Приобретение и поддержание первых имеет социальный и коллективный характер. Характер же вторых основывается на опыте и локальной практике, в которых автономия снижена и ситуативна. Она зависит от доступа сотрудника к функциям и ситуациям, в которых он может применять и развивать свой интеллект и обрести опыт. В повседневной и общественной жизни организаций и ассоциаций преобладают ситуации относительно банальные. Но на некоторых рабочих местах часты ситу-

²⁵ Lazzarato & Negri 1991.

²⁶ Negri 2006.

ации очень профессиональные, сильно структурированные по процедурам, локальным практикам и кодам.

Так встает вопрос о доступе. Мы снова сталкиваемся здесь с одним из проявлений классического антагонизма труда и капитала. Основной вопрос касается природы и степени автономии, в том числе в ситуациях реальной «событийности», т. е. неопределенности и непредсказуемости. Иными словами, как далеко заходят предписывающие и регламентирующие действия руководителей? Мы вернемся к этому вопросу ниже.

и) Поразительное развитие новых технологий заставляет некоторых аналитиков забыть о *социальных, человеческих и культурных факторах изменения организации труда*. Эту тенденцию можно характеризовать как технологический детерминизм, поскольку: (i) она подчеркивает определяющую и экзогенную роль технологических изменений и (ii) полагает, что логика изменения организации труда и социальных отношений практически целиком обусловлена технологическим прогрессом. Некоторые исследователи, положительно относясь к тезису о когнитивном капитализме, склонны усматривать в новых технологиях независимый освободительный фактор, считая, что одной технологии достаточно, чтобы привести в движение процессы социальной эмансипации²⁷. Мы не разделяем этих взглядов, вносящих определенную двусмысленность в анализ когнитивного капитализма. Этот последний для нас не есть ни технологический капитализм, ни капитализм, облагороженный освободительным потенциалом технического прогресса и в особенности информационно-коммуникационных технологий, но остается одной из форм капитализма, в силу этого включающей стратегии достижения экономической и политической власти и предполагающей определенные противоречия. Наши возражения технологическому детерминизму не означают протеста против техники или отказа признать ее важную роль. Нам просто представляется необходимым определить, чего именно стоит применение техники и как оно вписывается в долговременную социальную перспективу.

Нам близка конструктивистская точка зрения. Рассмотрим пример информатики: нужно учесть, что она развилась за сорок лет. Первая информатика (50–60-х гг.) отличается от второй (80-е и далее). Информационные технологии в производстве (кибернетика и пр.) отличаются от информационных технологий управления и научных исследований²⁸. Мнение о том, что новая фаза капитализма ведет свое происхождение от информатики, некорректно и является рискованным упрощением. Помимо общих причин развития информатики (научных и военных) появи-

²⁷ О двойственной природе новых технологий, выступающих одновременно потенциальным фактором эмансипации и потенциальным объектом инструментализации в неотэйлористских стратегиях см. Dieuaide 2006.

²⁸ Вспомним аналоговые машины, которые были в моде перед Второй мировой войной...

лись и постепенно приняли отчетливую форму «частные» потребности, связанные как с прогрессом информатики и с информатизацией, так и с волей некоторых компаний, привлеченных перспективой повышения доходов. В части «структурных» изменений ни потребности, ни техника не являются «первичными». Процесс взаимного приведения в соответствие и соперничества разворачивается во времени. Речь идет скорее о закрытых звеньях цепочки, чем о линейной последовательности. Если рассматривать мутацию серьезно, то трудно утверждать, что какой-то внешний фактор может мгновенно перевернуть способы функционирования экономической системы. Это было бы поистине героическим предположением, хотя такое явление и наблюдается иногда в абстрактных моделях²⁹. Техническое изменение строится и развивается постепенно, во времени и в определенной социальной и экономической обстановке. Оно направляется теми, кто способен влиять на его концепцию и эволюцию. Оно воспринимается как задача, и нет никаких причин приписывать ему нейтральность в социально-политическом плане.

3. Предприятие и новые формы конкуренции и стратегии

а) Знания, играющие роль в функционировании предприятий, разнообразны. Они разнообразны уже по объекту применения. Мы различаем: (i) научные и/или технические знания, (ii) общие или фундаментальные знания, которые являются выражением общего интеллекта, (iii) знания в области управления и знания в области производства. Традиционно экономисты различают знания в зависимости от того, являются ли они воплощенными. Невоплощенное знание — это эксплицитное закодированное знание, записанное на каком-то носителе информации (это может быть книга, статья, CD-ROM, запись доклада). Машина включает в себя или воплощает знание, использованное для ее разработки и изготовления. Можно также говорить о знаниях, воплощенных в отдельном человеке.

Понятия кодифицированного (или явного) и некодифицированного (неявного) знания как двух различных категорий получили распространение благодаря работам М. Полани. Экономисты расходятся в толковании этих терминов. Рискую упростить, выделим два лагеря. С одной стороны, есть экономисты, считающие, что «неявное» и «кодифицированное» — это альтернативные состояния. Некоторые из них придерживаются мнения, что всякое знание рано или поздно становится кодифицированным. Другая группа экономистов исходит из постулата, что кодифицированная и неявная формы являются скорее взаимодополнительными, чем альтернативными, т. е. всякое знание неизбежно содер-

²⁹ Мы не затронули здесь эволюцию программирования и программного обеспечения, временные рамки которой также невозможно свести к отдельному событию. Мы хотели лишь проиллюстрировать процесс.

жит неявную часть, пусть и малую. Внутри этой группы некоторые экономисты полагают, что по своей природе знание всегда подразумевает человеческое присутствие, что не может быть знания самого по себе, что всякое знание подразумевает «знающего» и, следовательно, содержит неявную часть. Мы относим себя к этой последней группе. Наряду и в связи со знаниями следует учитывать языковые навыки, а также навыки личного и профессионального общения.

До сих пор мы не затрагивали вопроса о науке. Мы упомянули системный характер отношений между наукой, техникой и экономикой (модель инноваций по цепочке³⁰): наука становится все более эндогенной и зависимой от технологии и промышленности. Весьма широкое распространение получил сегодня тезис о новом способе производства знания, состоящий в подчинении научных исследований экономической логике («*mode 2*»³¹), хотя он вызывает и критику. Нужно также упомянуть модель тройного винта, к которой мы вернемся ниже. Важнейшими факторами являются системность, организованность и программируемость (внутренняя или внешняя) научной и технической деятельности.

б) В семантическом плане наиболее заметным явлением современного капитализма является развитие финансового сектора, ставшего универсальным языком и для оперативного управления, и для стратегического руководства. Заявления руководителей играют существенную роль в формировании ожиданий и, следовательно, в оценке. Агенты заинтересованы лишь в номинальном создании стоимости. Деньги, будучи знаком, являются всего лишь мерой. Но финансовый сектор, представляя собой деньги, предназначенные для вклада, сам являет собой оценку. Оценку не реальной конкретной мощности, но оценку способности приносить прибыль. Маркс называл это фиктивным капиталом. Подъем институциональных инвестиций привел к повышению уровня требований к рентабельности предприятий, теперь подвергающихся из-за этого сильнейшему давлению. Дирекции устанавливают задачи, понятные для рынков (как привилегированного места оценки) и правдоподобные в глазах рынка. Часть их выражается непосредственно в виде финансовых достижений и инвестиционных критериев (*price earning ratio*, или биржевая капитализация). Существенная часть деятельности лидеров относится к коммуникации (см., напр., бум *road show*: турне, целью которых является встреча с инвесторами и аналитиками). Существует ли связь между «реальной» и финансовой стоимостью фирмы? Играют ли в финансовой оценке роль когнитивные и нематериальные факторы? Оценка основывается на рентабельности. Она зависит от способности фирмы к реализации продукции по цене, обеспечивающей ощутимый доход. По мнению Веблена, анализировавшего функционирование промышленности в самом начале XX века, рентабельность связана с «саботажем»: с ограни-

³⁰ Kline & Rosenberg 1986.

³¹ Gibbons e.a. 1994.

чением объема производимой продукции, т. е. с действием по сути монопольным. В когнитивном капитализме логика та же: предприятие капитализирует знания через ограничение их распространения и/или играя на редкости, по большей части созданной искусственно (при помощи патентов и т. п.).

Поскольку финансовый сектор подвергает фирмы оценке и связывает свою оценку с их способностью к производству стоимости, т. е. с их способностью к длительной рентабельности, он толкает фирмы к приобретению знаний и превращает знания в контролируемые активы. Следовательно, биржевая система представляет собой явление, автоматически оказывающее давление на способы приобретения и монополизации знаний, в значительной части инкорпорированных, т. е. связанных с носителями — людьми — и поэтому не могущими быть ни собственностью предприятий, ни неподвижными или закрепленными на месте объектами. Так же как фирмы поддерживают иллюзию о производительности человеческого капитала (см. выше), точно так же, выходя на рынок и подвергая себя суждению финансовых агентов, они сами вынуждают себя рассуждать в зависимости от рентабельности, с которой ассоциируется доступ к определенному числу более или менее специфических активов, которыми они якобы владеют, но которые по сути не могут быть ни присвоены, ни даже скопированы. Хорошую оценку на рынке получает такая фирма, нематериальные активы которой «визуализированы», а их роль в будущей рентабельности положительна и общепризнана. Можно определить, является ли роль фирмы абсолютно паразитической, по тому, насколько она обладает законным (а не косвенным или неправомерным) контролем над определенным числом активов. В мире, в котором роль знания велика и где основополагающие и общие знания относительно значительны, фирмы неизбежно носят частично паразитический характер. Различными маневрами они присваивают знания и сообщают присвоению характер законности. Однако преувеличением было бы сводить их роль только к паразитической. Фирма — это организация и сообщество (а то и несколько сообществ). Следовательно, внутри нее существуют и специфические знания и практические навыки, имеющие значение только для предприятия или организации в том же секторе и с подобным типом организации и стратегии.

в) В динамической перспективе стратегии, применяемые в противовес к снижению рентабельности, имеют в своей основе инновацию, внедрение. Это частично объясняется динамикой жизненного цикла. Будь то в ситуации монополии или вне ее, наиболее интересной частью цикла является фаза роста. Можно говорить о феномене постоянной инновации, характерном, с нашей точки зрения, для когнитивного капитализма. Несколько фирм возглавляют гонку. Они стремятся к постоянному опережению конкурентов на несколько месяцев: Intel, Nokia, Sony, Apple... Критическими факторами этой динамики являются управление проекта-

ми, мобилизация научных, технических и общих знаний и полный контроль над циклом разработка — производство — сбыт.

г) Развитие знаний и инновация зависят от работы групп инженеров и исследователей соответствующих специализаций. Это работа часто выполняется в рамках союзов. Число стратегических союзов растет, что частично объясняется стремлением разделить затраты на исследования и разработки, но не только этим. Исследования усложняются, а разработки новых продуктов и приемов порождают спрос на дополнительные знания, которые нужно комбинировать и которыми нужно делиться. Мы присутствуем при появлении сети союзов или «созвездий», которые принимают на себя функции «молярных» центров принятия решений. Существует два типа сотрудничества: горизонтальное (между конкурентами) и вертикальное (например, между производителем оборудования и его клиентом). Важную роль в развитии союзов играет стандартизация и модульный принцип³². Инновация подразумевает системную взаимозависимость. Индивидуальная производительность человека или фирмы, в особенности с низкой рентабельностью, не имеет смысла в контексте коллективного творчества.

д) Наблюдается также развитие связей между частными предприятиями и университетскими лабораториями и вообще вертикальная интеграция исследований (многосторонняя замкнутая концепция между фундаментальными и прикладными исследованиями и инновацией). Модель Клайна и Розенберга пытается описать сферу исследования и внедрения путем определения составляющих ее взаимодействий и анализа многочисленных связанных друг с другом реакций. Тезис о третьем винте представляется нам лучше аргументированным и исторически оправданным. Идея состоит в том, что до середины прошлого века технологическая инновация была результатом двусторонних взаимоотношений между университетами, промышленностью и правительственной сферой. Но принимая во внимание растущую важность научного знания, эти сферы и режим их взаимодействия меняются. Государство, университет и индустрия постепенно сближаются и в конце концов образуют новую единицу. Это сближение коррелирует с трансформацией миссии университета, который к своим традиционным задачам обучения и исследований добавляет технологические инновации и стремится принять участие в экономической деятельности. Именно эту новую конфигурацию, появившуюся после Второй мировой войны, и называли тройным винтом³³. Именно в такой ситуации, по мнению этих исследователей, начался рост радикальных новшеств в информатике и биотехнологиях. Эта модель проявляет себя в возрастании числа участников инновационного процесса посредством механизма гибридизации, призванного способствовать переносу знаний в промышленность.

³² Paulré 2005.

³³ Etzkowitz & Leydesdorff 1998.

е) В фордизме накопление происходило главным образом в национальных рамках. На сегодняшний день регулирование систем закрытого типа стало невозможным. Происходит наложение различных уровней регулирования: региональное (субнациональное), национальное и наднациональное (например, Европа). Интересы фирм все больше расходятся с интересами страны происхождения. Фирмы вступают в глобализационный процесс, связанный с открытостью, международной конкуренцией и договорным определением зарплаты. Не только производство в целом, но и исследования и разработки прибегают к привлечению соисполнителей (*externalisation, outsourcing*). Конкурентоспособность сильно зависит от организации потоков товаров, от различных факторов производства, инженерных решений, информации (о транспорте и логистике) и от финансовых средств. Материальное и нематериальное неразделимы. Современное промышленное развитие означает не только экспансию технических разработок и различных методов управления товаропассажирскими потоками. Экономическая конкурентоспособность фирм зависит не только от условий на какой-то одной территории, но и от возможности управления потоками товаров, факторами производства, инженерными решениями и финансовыми средствами во всем мире.

ж) Институциональные и организационные факторы проявляются на уровне предприятий: организационные структуры, цепочки предложения и приращения стоимости, режимов управления, в том числе и на мезоэкономическом, или национальном уровне. Мы уже упоминали правомочность подхода с точки зрения национальной системы инноваций. Комитеты стандартизации и союзы определяют формы и интенсивность конкуренции. Международные соглашения также играют свою роль в стратегиях размещения производственных центров и научно-инновативных лабораторий.

и) На предприятиях развиваются методы управления знаниями, инструменты бухгалтерского учета и методики оценки нематериальных затрат. Проблемы бухгалтерского учета и оценки активов занимают важное место в институциональном плане и в стратегиях предприятий (способы демонстрации счетов и результатов). Все, что касается оценки и измерения, приобретает стратегическую важность в управлении и во взаимодействии с финансовым сектором.

4. Новая ставка: права собственности

Очевидно, что законы о праве собственности составляют главную составную часть правовой системы, поддерживающей когнитивный капитализм. Дебаты по поводу бесплатного software достигли невиданного размаха, сравнимого разве что с дискуссией о потенциальной возможности патентования генома. Вопросы права на интеллектуальную собственность перестали быть прерогативой юристов и промышленников и заняли важное место на общественной сцене.

Эволюция юриспруденции в области патентоведения в США хорошо изучена. Выделяют три черты этой эволюции: (i) общее ослабление критериев потенциальной возможности патентования; (ii) ужесточение мер по отношению к имитаторам: фирмы, которые избирают путь имитации и развития уже имеющегося товара при помощи простых добавлений, подвергают себя риску карательных мер; (iii) патентование результатов фундаментальных исследований³⁴. Мы имеем дело с колоссальной трансформацией, которая наиболее ярко проявилась в патентовании живой природы. Последствия на уровне стратегий конкурентной борьбы между фирмами налицо. Новаторским фирмам возросшая безопасность на руку: инновация приносит больший доход, поскольку стратегия подражания становится опасной. Но эта эволюция имеет оборотную сторону по причине шаткого основания для патентования и слишком широкой его интерпретации, и макроэкономические последствия рискуют быть гораздо менее благоприятными. Американская система была благоприятной для инноваций, поскольку выдавала патенты на основании строгих критериев, которые именно поэтому имели неплохую гарантию. Но все указывает на то, что новый режим разрушил это качество американской системы. С этой точки зрения, взрывной рост числа патентов, который мы наблюдаем в США в последние годы, отнюдь не обязательно свидетельствует о вновь обретенной жизнеспособности.

По поводу этой эволюции и ее последствий возможно и иное суждение. По мнению К. Верчеллоне, эволюция юриспруденции по вопросам интеллектуальной собственности соответствует политике создания «рент по званию», призванных способствовать инновациям и синергизму частного и публичного сектора исследований. Следовательно, логично задаться вопросом о том, является ли становление права интеллектуальной собственности фактором, способствующим инновации, и в частности компенсацией за вложения в исследования и разработки. Однако в действительности ясная связь между усилением охраны патентов и инновацией не установлена, более того, аргумент справедливого распределения дохода от вклада в исследования и разработки является спорным, т. к. значительная часть финансирования исследований поступает не от предприятий, а сами предприятия имеют тенденцию патентовать фундаментальные знания. Таким образом, имеют место последствия избыточной приватизации. Мы наблюдаем смещение экономики рынка в сторону капитализма знания.

5. Государство

В новом открытом и глобализованном мире государство тем не менее играет важную роль. Не следует из-за окружающего либерализма забывать о торговых стратегиях (неомеркантилизме), а также ведущей и ко-

³⁴ Coriat 2004.

ординирующей функции государства во всем, что касается связи между научно-техническим потенциалом и фирмами (например, недавнее создание во Франции «полюсов конкурентоспособности»). Центральное положение знания и промышленной инновации не остается без последствий для роли государства и его политики. Возникает шумпетеровское регулирование или «шумпетеровское государство», которое может показаться апорией, поскольку сам Шумпетер был либералом (хотя и участвовал в комиссии по национализации). Что такое шумпетеровское государство? Это такое государство, первичной целью которого является усиление национальной конкурентоспособности за счет политики, поддерживающей исследования и разработки. Первым автором, использовавшим это понятие, был Б. Джессоп. В начале 1980-х гг. он назвал «постнациональным шумпетеровским государством всеобщего благоденствия» государство, которое отличалось от кейнсовского по трем параметрам: (i) полная занятость на внутреннем рынке труда перестала быть приоритетом; на передний план вышла международная конкурентоспособность; (ii) политика перераспределения отошла на второй план, уступив место продуктивистской социальной политике, и (iii) начался поиск оптимальной согласованности в противовес интернационализации. Понятие постнационального шумпетеровского государства идет гораздо дальше, поскольку, по мнению Джессопа, ставится задача сочетать пропаганду гибкости и инновации на международном рынке с активной политикой занятости (*workfare*, или социального трудового обеспечения), помогающей неспособным удержать свое место на рынке. Джессоп считает, что такое шумпетеровское государство могло бы стать моделью регулирования постфордистской экономики³⁵.

Глобализацию и вообще существенную пространственную трансформацию капитализма можно рассматривать и более радикально: не влекут ли за собой эти перемены конец национальных государств? По мнению Негри, «эра глобализации не означает конца национального государства, которое продолжает выполнять функции, полезные для политэкономического регулирования и для установления культурных норм». Но все же представляется, что национальные государства утрачивают свой суверенитет: «Сохраняя свой фундаментальный характер, государства в глобальном контексте меняют свою конфигурацию». Отсюда необходимость мыслить любую политику, в том числе и национальную, в мировом масштабе. Правомочен вопрос, не довольствуются ли национальные государства ролью служанки глобальной власти³⁶.

³⁵ Jessop 2002.

³⁶ В *Манифесте Коммунистической партии* говорится: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву». И Маркс добавляет: «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству».

6. Система образования и превращение знания в товар

Одно из направлений государственной политики, которое следовало бы включить в понятие шумпетеровского государства, это образование. Прежде всего потому, что образование, проявляясь на всех уровнях и во всех связанных с ним научно-исследовательских учреждениях, приобретает ключевое значение в рамках когнитивного капитализма. Уровень образования определяет в значительной степени не только возможности трудоустройства, но и производительную мощь национальной экономики. Кроме того, хотя система образования и не несет полной ответственности за неравенство и маргинализацию части населения, матрица этого неравенства и маргинализация находят свое воплощение в системе образования. Уже на этом основании можно утверждать, что новый капитализм не стал в силу своей когнитивности менее несправедливым, чем его предшественники.

Система образования не может рассматриваться как изолированная ни в промышленном, ни в когнитивном капитализме, хотя причинная связь выстраивается здесь и там по-разному. Образование не может полностью нести ответственность за то, что производит. Оно принадлежит обществу с его кодексами, элитой и властью предержащими группами. Повышение уровня компетенций делает решающими факторы социальные и семейные. Лозунги правительств и экспертов склоняют на все лады темы демократизации образования, приспособления к глобализации и повышения конкурентоспособности. Университеты оказываются под нарастающим давлением, предъявляемым все явнее и все недвусмысленнее.

Классической формой подчинения знания и информации является создание условий для превращения знаний, информации и образования в товар. Эта тенденция развивается параллельно с приватизацией. Приведем отрывок из доклада Европейской комиссии об общедоступном и дистанционном обучении (1991):

Революция в информатике деклассировала значительную часть образования... Продолжительность жизни полезных знаний составляет 20 лет, интеллектуальный капитал обесценивается на 7% в год и сопровождается соответствующим снижением производительности труда... Предприятия, предоставляющие своим сотрудникам учебные отпуска, сталкиваются с вытекающей отсюда проблемой недопроизводства. С помощью дистанционного обучения [предприниматели] могут вкладывать средства в человеческий капитал и контролировать затраты. Публичный университет есть промышленное предприятие, а дистанционное обучение — новая отрасль промышленности. Это предприятие должно продавать свою продукцию на рынке постдипломного обучения, который подчиняется законам спроса и предложения.

Стратегия приватизации и превращения знания в товар была еще яснее выражена на Круглом столе промышленников ЕС:

В конечном счете ответственность за профессиональное образование лежит на промышленности... Сфера просвещения не может иметь четкого представления о конкретном профиле сотрудников, нужных промышленности... Просвещение должно рассматриваться как услуга, оказываемая экономике... Задачей просвещения является обучение, а не преподавание... Мы не можем больше терять время³⁷.

Организация экономического сотрудничества и развития продолжает ту же тему: «Пожизненное образование не может основываться на постоянном присутствии преподавателей... Оно должно быть обеспечено «поставщиками образовательных услуг»... Технология создает мировой рынок в секторе профессионального образования»³⁸. Эта организация высказывает мнение, что роль институтов власти должна ограничиться «предоставлением доступа к обучению тем, кто никогда не сможет влиться в рентабельный рынок труда и чье исключение из общества будет усугубляться по мере того, как другие будут продолжать идти вперед» (ibid.). Эту эволюцию еще в 1979 году предсказал Ж.-Ф. Лиотар.

Однако с точки зрения гносеологии анализ превращения знания в товар, сопоставимый с другими благами и услугами, дает смещение, ошибку. Предпосылкой идеи рыночной «обмениваемости» определенной услуги выступает убеждение, что она сопоставима с «предметом», т. е. благом с объективно определенными и измеримыми характеристиками. Для достижения статуса обменности просвещение должно быть понято как принципиально измеримое получение практических знаний. Как только речь заходит об образовании, не сводимому к небольшому числу практических и измеримых характеристик, превращение знания в товар становится затруднительным, а кроме того, таит в себе риск падения качества образования. К тому же образовательная деятельность содержит в себе социальный аспект, которым невозможно пренебречь. В сущности, дискуссия о превращении знания в товар не может ограничиваться вопросом о противоречии между административным публичным управлением и рыночным регулированием. Она затрагивает и другие, более фундаментальные, вопросы.

8. Предложение гарантированного социального минимума

Тезис о когнитивном капитализме не только анализирует институциональную трансформацию и особую динамику капитализма, выраженную в процессах ассимиляции и аккомодации знания. Он содержит и прескриптивный компонент. Одной из рекомендаций является бесплатное software, другой — предложение обеспечения прожиточного минимума, или гарантированного социального минимума (пособия, дохода). Гаран-

³⁷ ERT 1995.

³⁸ O.C.D.E. 1996.

тированный социальный минимум есть прямое следствие пересмотра понятия производительного труда при когнитивном капитализме. Он предлагает обеспечение пособия в обмен на такой производительный труд, который осуществляется вне предприятия или других мест, специально предназначенных для производительного труда, и за который работник поэтому не получает вознаграждения. Необходимость этой меры диктуется значительным продлением рабочего времени за пределы продолжительности официального рабочего дня³⁹. Другое объяснение состоит в общей гегемонии социального производства и эксплуатации того специфического содержания, которое привносит в труд каждый субъект этого труда⁴⁰. Вместе или по отдельности, можно рассматривать это продление рабочего времени и эту гегемонию социального труда как явления, характерные для когнитивного капитализма. В отличие от других предложений всеобщего пособия, гарантированный социальный минимум не должен быть дополнительным доходом или попыткой перераспределения. Это первичный доход, который назначается в обмен на прямой вклад в создание богатств и стоимости, не являющийся оплачиваемым трудом.

В заключение раздела отметим, что анализ институциональных изменений действительно позволяет выделить несколько характерных тенденций, связанных с условиями производства и распространения знаний. Эти тенденции показывают, насколько для «исправного» функционирования капиталистической системы в когнитивном варианте необходимы изменения. Они иллюстрируют и подтверждают высокую степень вероятности того, что именно вокруг знания строятся новые отношения и новые цели, которые приведут к мутации системы. Эти подходы имеют один недостаток, свойственный и другим экономическим исследованиям: в них не определяется понятие знания. Аналитическое содержание этого понятия представляется недостаточным. Следовательно, чтобы сделать выводы о существенных характеристиках когнитивного капитализма, необходим четкий анализ знания.

Знание и когнитивный капитализм.

Двусмысленности и несовпадения

Специфические напряжения, свойственные когнитивному капитализму, объясняются попытками подчинить капиталистической логике те сферы знания и нематериального вообще, которые подчиняются иным, чем промышленный капитализм, экономическим и социальным принципам. Мы имеем дело не просто со сменой одного типа благ и деятельности другим. В экономическом плане существует соблазн допустить, что весь вопрос состоит в том, что некоторые отношения и экономи-

³⁹ Monnier & Vercellone 2006.

⁴⁰ Negri 2006.

ческие процессы меняются (или должны поменяться) из-за перехода от экономики материальных к экономике нематериальных благ (к экономике знания). А для характеристики трудностей и изменений, происходящих в результате этой замены, достаточно будет привлечь обычные инструменты экономического анализа. Например, можно задаться вопросом о том, что произойдет теперь с экономическими циклами. Чтобы определить и охарактеризовать многочисленные и сложные взаимозависимости, порожденные нематериальным характером благ, можно привлечь концепцию внешних эффектов, экстерналий⁴¹. Экономику знания можно также интерпретировать как попытку применения принципов традиционной микроэкономики к изучению свойств и условий функционирования секторов, связанных с нематериальными благами, и в частности со знанием и информацией. Но подход такого типа, при всей своей плодотворности, недостаточен. Речь должна идти о многоплановой трансформации свойств, отношений и социальных структур. Кроме того, знание есть лишь один из важных моментов нематериального производства, наряду с другими (язык, аффект). Мы начнем с рассмотрения того, как экономисты чаще всего определяют и трактуют понятия знания и информации. Для этого мы вернемся к концепции информации как товара и ее последствиям. Мы покажем ограниченность и такого подхода, и самой концепции когнитивного капитализма. Нам будет необходимо ввести определения трех кардинальных понятий, которые недостаточно различаются экономистами: данные, информация и знание.

1. Информация как товар.

Канонический исходный пункт ортодоксальных экономистов

Обратимся к варианту, принимаемому экономистами неоклассического направления и состоящему в том, что информация и знание являются товаром. Эта точка зрения имеет ряд преимуществ. Прежде всего, первое выражение этого подхода⁴² ознаменовало собой начало размышлений об экономическом статусе информации и знания⁴³. Был поднят вопрос об автономии знания: можно ли рассматривать знание как экстериоризируемый объект, который может находиться в свободном обращении при помощи носителей информации? Мы увидим, что вопрос об отделении знания и его человеческой инкорпорированности является центральным. Другой вопрос, поднятый неоклассиками, — это природа самой рефлексии о когнитивном капитализме (и об экономике знания). Для некоторых исследователей она есть размышление об апориях микроэкономического анализа информации. Классикой жанра является все

⁴¹ Moulier Boutang 1998.

⁴² Arrow 1962.

⁴³ Paulré 2003.

та же статья К. Эрроу⁴⁴. Она представляет собой своего рода теоретическое пари, поскольку исходит из того, что информация является предметом рыночного обмена, иначе говоря, товаром. Принципиальная позиция Эрроу сводится к двум сильным положениям: информация является (i) предметом и (ii) предметом обмена (следовательно, и оценки). Двусмысленность (чтобы не сказать слабость) статьи заключается в неразличении понятий знания и информации. В сущности, они смешиваются без какого-либо объяснения со стороны автора.

Мы говорим о «пари», потому что гипотеза Эрроу пытается учесть все сложности, связанные со спецификой информации, а именно отсутствие соперничества, неделимость и главное неопределенность⁴⁵. Признавая особенности информации как экономического объекта, Эрроу предлагает тем не менее рассматривать ее как экономическое благо и предмет обмена, т. е. как товар. Автор представляет модель, призванную показать, что (i) экономист-теоретик может рассуждать о ситуациях, в которых знание является объектом экономических операций, и что (ii) на этой основе можно строить интерпретации некоторых феноменов инновационного процесса. Иными словами, вопреки своим уникальным свойствам и благодаря институциональным механизмам, обеспечивающим возможность экономических операций (например, патентам), информация и знание находят свое место в микроэкономическом анализе и интерпретациях важных экономических проблем. Эрроу показывает здесь, что чистая конкуренция в большей степени способствует инновации, чем монопольная структура. Он также показывает, что вмешательство государства более эффективно, чем конкурентная борьба.

Вопрос о природе информации и подходу к ней в экономике вновь встает в середине 80-х годов, когда на сцену выходит тема новой экономики, построенной на информационно-коммуникационных технологиях. Стало важным понять, отличается ли новая экономика от «традиционной». В одном из программных трудов этого времени вновь утверждалось, что традиционные экономические принципы с успехом могут применяться в новой информационной и когнитивной экономике⁴⁶.

В модели Эрроу определение стоимости лицензии на эксплуатацию новой технологии в производстве явилось результатом умозаключения,

⁴⁴ Arrow 1962.

⁴⁵ Отсутствие соперничества имеет место, когда тот факт, что какие-то блага находятся в распоряжении одного лица, не препятствует другому лицу ими воспользоваться. Если я съем яблоко, уже никто и никогда не сможет извлечь из него пользу: яблоко является конкурентным благом. Если же я располагаю информацией (например, что формула воды H_2O), и многие другие лица располагают той же информацией, это не лишает меня возможности ею пользоваться. Информация является неконкурентным благом. Воля к обладанию информацией не носит характера материального соперничества.

⁴⁶ Shapiro & Varian 1998.

исходившего из весьма сильной гипотезы, а именно из знания технологии всеми участниками в условиях статического равновесия рынка. При всей тонкости и элегантности статьи Эрроу, нам его аргументация не представляется убедительной: полностью отсутствует компонента неопределенности; вообще не рассматривается вопрос о производстве знания или новой технологии; предполагается, что все характеристики новой технологии известны; хромают доказательства превосходства конкурентных структур. По сути мы сталкиваемся здесь с апорией товарного характера информации. Предполагается, что мы представляем себе стоимость информации до того, как она поступает в наше распоряжение, тогда как прекрасно известно, насколько спорен вопрос о приобретении чего-либо, что уже находится в нашем распоряжении, особенно когда это неконкурентное благо. На этой апории частично основывается модель Эрроу. Но апория отпадает сама собой, поскольку продается право использования. Неважно, знаем мы или нет то, что собираемся купить, поскольку дефицит информации создается при помощи прав на эксплуатацию и патентов. Осведомленность об этом приеме ничего не меняет в искусственном дефиците, который охраняется правовой системой. Такова логика системы патентов. Отметим, что основываясь на точке зрения Эрроу, трудно провести различие между информацией и знанием.

2. Вопрос о кодификации

Концепция информации как товара и объекта, предназначенного для экстерииоризации, связана с вопросом кодификации. Вернемся к различению явного и неявного знания, которое экономисты стали практиковать под влиянием М. Полани. Явное, или кодифицированное, знание эксплицитно, выражено через знаковую систему, или вербально и предстает нам на носителе информации, в силу чего и возникает мысль о том, что оно обладает определенной степенью автономии. А преобразование в цифровую форму все больше и больше позволяет информации менять носителей (чему, правда, могут препятствовать различия в стандартах).

Мы не разделяем ни это пророческое воззрение, ни тем более позицию, на которой оно основано. Мы предлагаем другое прочтение текстов Полани о различии явного и неявного знания. Мы полагаем, что высказанная Полани идея состоит в том, что любое знание всегда содержит долю неявного, или скрытого, знания. Явное и неявное знания как состояния или формы должны рассматриваться не как альтернативные, а как дополнительные. Мы не согласны и с прочтением Полани некоторыми экономистами в духе грядущего наступления эры всеобщей кодификации. Мы отдаем себе отчет в фундаментальной важности этого вопроса, поскольку речь идет о трактовке информации как объекта экстерииоризации и потенциального товара. Именно из-за важности этого вопроса мы

считаем необходимым избежать искажений мысли автора. Ибо лучший комментатор Полани — это сам Полани. Вот что он говорит по поводу возможной замены неявного знания кодифицированным: «Хотя неявное знание само по себе может быть предметом обладания, явное, или эксплицитное, знание зависит от его неявного понимания и применения. Поэтому любое знание либо неявно, либо зиждется на неявном знании»⁴⁷. Ясно, что, по мнению Полани, центральное положение неявного знания с трудом совместимо с подходом, избранным многими экономистами. Вообще говоря, оно несовместимо с позитивистским подходом к знанию как к сущности, потенциально поддающейся полной кодификации.

Отметим, что различие между явным и неявным знанием подхватил и весьма оригинально развил А. Горц. Его точка зрения, как представляется, соотносима с вышеизложенным, хотя его изложению не хватает точности. Оригинальность Горца состоит в том, что он играет на различии между знаниями, *connaissances*, и умениями, навыками, *savoirs*:

Умение — это прежде всего практическая способность, навык, который не обязательно подразумевает формализованное кодифицированное знание. Большая часть телесных знаний-умений не поддается формализации. Их не преподают, их осваивают на практике при помощи ученичества... Их передача состоит в том, что субъект обучения должен сделать это сам...⁴⁸

Легко заметить, что умения соотносимы с тем, что принято называть неявным знанием, а слово 'знания' употребляется для обозначения явных, или эксплицитных, знаний. Горц вводит также понятие 'умения быть', *savoir-être* наряду с понятием 'умения делать', *savoir-faire*. Оба умения вместе составляют комплекс умений, *savoirs*. Горц использует также образ знания, которое может изменить свою форму и перейти из явного кодифицированного состояния в неявное, в данном случае из состояния знания в состояние умения. При этом переход может происходить в обоих направлениях. Горц не останавливается и перед моральным суждением о двух типах знания. Он отмечает, что каждая данная культура «богата настолько, насколько общие умения, из которых она соткана, позволяют ей принять в свое лоно новые знания». И наоборот, «чем больше общество кодифицирует свои общие умения, превращая их в формализованные знания, тем больше его культура обедняется»: во второй половине XX века огромное число общих умений было переведено в категорию сертифицированных профессиональных знаний и превратилось в платные услуги. Здесь Горц замечает, что трансформация умений в знания не может быть полной и что некоторый более или менее весомый остаток всегда избегает формализации. Мы полностью согласны с этим наблюдением, как и с утверждением, что «профессиональная услуга всегда хранит след того, кто ее выполнил».

⁴⁷ Polanyi 1969.

⁴⁸ Gorz 2003.

3. Первая – и несовершенная – концепция когнитивного капитализма

Из вышеизложенного анализа мы делаем выводы, идущие вразрез с мнением части экономистов: информация не может рассматриваться как благо или как предмет; она не может спонтанно приобретать статус товара; и невозможно, опираясь на труды Полани, утверждать, будто знание может быть полностью кодифицировано и, следовательно, со временем превращено в товар. Однако отвергаемая нами проблематика когнитивного капитализма частично вытекает из тезисов, близких Эрроу.

Попробуем оттолкнуться от различия между знанием и умением. Это различие не может относиться ко всем знаниям, поскольку всегда существует часть, не поддающаяся кодификации, и поскольку услуга всегда сохраняет связь с исполнителем. Если мы говорим о различии, то, по нашему мнению, оно касается в лучшем случае лишь особой категории знаний: научно-технических, что было отмечено уже Марксом. Горц вводит здесь периодизацию и отмечает, что вначале эти знания (применимые в промышленности) существуют «в голове» высших профессиональных кадров и инженеров, стоящих на стороне хозяев. Лишь позднее эти знания становятся автономными и существуют как нематериальный капитал, отделяемый и отделенный от материального носителя и производимый отдельно. По его мнению, первый решающий шаг к автономии производства научно-технического знания, предназначенного для промышленности, был сделан в химической промышленности в 1880 г. Здесь мы возвращаемся к вопросу о специфике новой экономики (или экономики знания), с той разницей, что, по мнению Горца, этот вопрос встает в компании Бауер с самого момента ее создания (т. е. уже в конце XIX века), с началом систематизации деятельности по исследованию и внедрению, с тех пор как промышленность впервые взяла на себя связанные с ними расходы. Этот вопрос встает в связи с «прототипными» отраслями⁴⁹, для которых характерны постоянные затраты на производство, иногда описываемые как парадигматичные для новой экономики.

Но продукты знания не становятся товаром спонтанно. Не только по вышеизложенным причинам, но и в особенности потому, что стоимость их воспроизводства кажется близкой к нулю. Следовательно, мы имеем дело с благом, стоимость которого стремится к нулю (постоянная стоимость производства первоначальной матрицы окупается количеством произведенных единиц товара). В результате знания не могут производиться за их обменную стоимость. Они остаются инкорпорированными в новые продукты, концепция которых разработана с их участием. Стоимость знаний определяется их потребительной стоимостью. Как уже указывалось, обменная стоимость знаний может возмещаться только при условии искусственных и, в частности, юридических средств,

⁴⁹ Volle 2000.

позволяющих прекратить бесплатное распространение знаний. Для Горца это одна из причин того, что «когнитивный капитализм функционирует иначе, чем просто капитализм». Существует не только общественный общий интеллект, т. е. живое и переживаемое знание, не имеющее обменной стоимости, но и «необщее» знание, «существующее только потому, что сознательно произведено» и к тому же бесплатное, так как стоимость его воспроизводства и распространения близка к нулю. К этому, по мнению Горца, стоит добавить, что часть вновь созданного знания (software) ликвидирует рабочие места и поэтому «уменьшает и даже упраздняет обменную денежную стоимость растущего числа товаров и услуг». Отсюда дилемма и противоречие когнитивной стадии капитализма. Спонтанно экономика знания стремится к экономике изобилия и бесплатности. Но чтобы обеспечить себе достаточно широкую основу для выживания, капитализм обязан капитализировать и приращивать стоимость определенного продукта, а именно знания, «которое теперь нужно присвоить, чтобы помешать ему стать общественным благом и чтобы заставить его работать как нематериальный капитал». Отсюда вывод Горца: «Когнитивный капитализм есть просто кризис капитализма». Но реакция капитализма на угрозу этого кризиса известна: он должен контролировать знание. Такова функция, судьба и условие выживания когнитивного капитализма. По мнению Горца, «доступ и различные виды доступа к знанию становятся главной ставкой в центральном конфликте».

Мы находим уже в статье Эрроу тот тезис, что искусственный дефицит («редкость») институционального происхождения является необходимым условием приращения стоимости информации, или знания⁵⁰. Тезис этот не является несовместимым с неоклассической концепцией информации-товара. Отметим, что она правомочна только для некоторых категорий информации, прежде все для научно-технической. Патент представляет собой базовую модель институционального дефицита. Поэтому делать из искусственного дефицита базовый принцип, который лежит в основе функционирования, если не самого существования когнитивного капитализма, преувеличенно и неоправданно. Не все знания соответствуют модели знания, поддающегося патентованию, хотя некоторые фирмы уже предпринимают шаги к патентованию традиционных и даже древних общественных знаний. Общие и общественные знания не поддаются патентованию по простым практическим причинам. К ним неприменима парадигма присвоения. Конечно, предприятия извлекают выгоду из последствий и результатов этого общего уровня знания, которое «им ничего не стоило», но здесь уместнее говорить о присвоении прибыли, а не об овладении знаниями.

Кроме положений об объективируемой и отчуждаемой природе информации, есть еще один тезис неоклассического подхода к инфор-

⁵⁰ См. также Foucault [1978–79] 2004.

мации, заслуживающий критики: идея нулевой стоимости воспроизводства информации. Отметим прежде всего, что даже если предположить, что стоимость дубликации информации нулевая или ничтожно малая (например, в случае с фотокопией), стоимость восприятия и «умственной записи» информации отдельным человеком не становится от этого нулевой. Информацию можно усвоить, только ее поняв. С другой стороны, принятие и усвоение информации может занять некоторое время и требовать внимания, усилия. Иначе говоря, если помимо стоимости физического воспроизводства (в смысле дубликации) принять в расчет человеческую стоимость информации, то никак нельзя утверждать, что стоимость информации нулевая. Можно продемонстрировать проблему так называемых нефизических затрат на распространение и передачу информации на нескольких примерах из области экономики инноваций. Многие авторы подчеркивали фундаментальную важность деятельности по восприятию и пониманию научно-технической информации, выражая тем самым недоверие типу анализа, практикуемому Эрроу. В связи с этим вводится, в частности, новое понятие: «емкость поглощения фирмой информации (*absorptive capacity*), определяющая, в какой мере используются внешние (*extramural*) знания и до какой степени фирма зависит от собственных исследований и разработок»⁵¹.

Однако мы должны продолжить и уточнить нашу критику: то, что обычно называется стоимостью воспроизводства информации, фактически не является тем, за что себя выдает. Фотокопируя, например, план, вы не воспроизводите информацию, а копируете данные (*data*). Эти данные обладают ценностью информации только для того, кто рассматривая их, способен увидеть в них смысл, добавляющий нечто к тому, что он уже знает. Копируя CD-диск с текстами или музыкой, вы копируете только цифровые сигналы. Скопированный CD-диск сам по себе не является информацией. Для ее получения нужно, чтобы записанные на нем тексты были прочитаны и поняты, а также «меняли состояние» того, кто этот диск получил. Мы имеем дело со второй апорией микроэкономики информации. Принцип нулевой стоимости воспроизводства информации является своего рода парадоксом и результатом забвения человеческого фактора и «нефизических» условий информации. Просто удивительно, что условия обращения некоего «блага» (информации), изображаемого как нематериальное, пытаются объяснить характером распространения или воспроизводства его *материального* носителя!

Аргументов против использования апории информации-товара в качестве фундамента проблематики когнитивного капитализма высказано, кажется, достаточно, чтобы оправдать наше желание подвести под эту проблематику другую базу.

⁵¹ Cohen & Levinthal 1990.

4. Иная концепция знания

Мы предлагаем использовать три различных понятия: данные (*data*), информацию и знание. По мнению Ж. Мелэз, «информацией является для живого существа (или автомата) любой сигнал, любое сообщение, любое восприятие, которые влияют на его поведение или на его когнитивное состояние»⁵². Как пишет Бейтсон, «единицу информации можно определить как различие, производящее другое различие»⁵³. Информация не должна смешиваться с понятием данных, то есть «следом события» (Bateson), иногда записанных «в виде условного кода социальной группы» (Mélèse). Информация — это сигнал, подвергнутый интерпретации. Знание отдельного человека претерпевает изменение, когда под влиянием новой информации его «представление» о некой ситуации перестраивается. Это проявляется в разнообразных действиях, которые может выполнить субъект, или в изменении природы или объема высказываний. Иными словами, «знание для субъекта — это тот способ, которым он вступает в отношения со своим миром. Знание бывает только о чем-то и для кого-то»⁵⁴. Мы предлагаем уточнить это определение таким образом: знание есть организация представления, поскольку создает возможность для организации действий («внешних» или мысленных). Знание и информация имеют характер отношения. Данные становятся информацией, только когда могут оказать влияние на поведение. Подчеркнем, однако, что процедура, план, представление могут быть схематизированы, моделированы и кодифицированы и в результате утратить свой характер отношения. Но тогда они меняют природу: теперь они могут передаваться не как знание, а как данные. Они считаются знанием только потому, что могут быть поняты и использованы. Кодифицированное, или явное, знание является по-настоящему знанием, только когда может быть усвоено и использовано субъектом для реорганизации или дополнения ранее существовавшего знания. Знание имеет смысл, только если потребитель кодифицированного знания овладевает «кодами».

Как правило, когда говорят о нематериальности знаний, понимать следует нематериальность данных, иначе можно впасть в «натурализацию» информации и знаний. Если сослаться на любимую экономистами ситуацию принятия решения, то можно очень общо сказать, что (i) информация меняет для человека условия выбора поступка в ряду возможностей и что (ii) знание меняет весь комплекс возможных поступков. Поэтому мы предлагаем исходить из другой концепции знания, отличной от торговой, часто используемой экономистами, а именно из такой концепции, которая видит в информации и знании явления принципи-

⁵² Mélèse 1979.

⁵³ Bateson 1977.

⁵⁴ Schlanger 1978.

ально человеческого и социального свойства. Мы не игнорируем и не считаем неважным тот факт, что некоторые исследователи все же упорно превращают информацию в товар или рассматривают ее как объект, подверженный экстерииоризации и способный пребывать в свободном обращении. Однако здесь мы имеем дело, скорее, с информационно-товарным фетишизмом, чем с научным анализом.

Если информация есть инкорпорированная способность, контроль над ней проходит через управление отдельными людьми и телами (или умами). Именно на этой основе (биополитики в смысле Фуко), мы можем, устранив апории стандартного экономического анализа информации, выделить то основное напряжение, которое порождает и пронизывает когнитивный капитализм.

Когнитивный капитализм и его центральный очаг напряжения. Между свободой и неотэйлоризмом

Итак, знание не есть автономный объект. Оно неотделимо от инкорпорирующего его субъекта. Поэтому вопрос о контроле над информацией и знанием, а также их накоплении, не стоит с точки зрения коммерческой и юридической, или, по крайней мере, не только с этой точки зрения. Мы не отрицаем существование этой проблемы. Но это проявление когнитивного капитализма касается только одного аспекта его институционального развития, а не его главного очага напряжения. Сосредоточение же внимания на этой категории явлений и на правах собственности сводят исследование к анализу обмена, а не к анализу производства (как мы уже видели на примере Эрроу). Нужно поэтому вернуться к «нередуцируемой характеристике знания: *испытываться субъектом*»⁵⁵ и ее следствиям.

Весьма важна, на наш взгляд, постановка вопроса о контроле над знанием через контроль над отдельными людьми, их когнитивными способностями и творческим потенциалом. Базовой апорией является то, что невозможно пытаться управлять людьми, как при промышленном капитализме, и одновременно требовать от них постоянного творчества и избрательности.

Как подойти к этому вопросу? Как правильно задать его?

1. Еще одно существенное различие в понятии знания

Мы считаем необходимым различать два подхода к знанию и его роли в когнитивном капитализме. Первый чаще всего используется экономистами (хотя и не всеми). Он состоит в том, что ведущая роль приписывается институциональным отношениям и механизмам, а также логике действий участников в этих рамках. Подход такого типа строится вокруг

⁵⁵ Berger 1941.

изучения последствий «рутинного», или «запрограммированного», поведения. Изучаются режимы функционирования и результаты экономической системы, но обходятся вопросы о том, создают ли агенты структурные изменения, и как для приспособления к ним они вырабатывают новые поведенческие модели. Для такого типа рассуждения характерно изучение факторов кризиса и возможностей его устранения без пересмотра институциональных структур. Вторым подход является скорее философским или социологическим; ведущая роль в нем принадлежит центральному историческому конфликту капиталистической формации, в котором выявляются противоречия и напряжения. Затрагивается также вопрос о выходе из ситуации напряженности. Центральной темой в этом подходе является изучение возможных изменений, которые рассматриваются как последствия кризиса или как способ выйти из него.

Таково в общих чертах различие между двумя этими подходами: оно обусловлено характером вопросов, на которые они ищут ответы, а также природой рассматриваемых изменений. На деле же это видимое различие скрывает различие между двумя «режимами», уровнями функционирования и, по сути дела, между двумя концепциями знания. Они не исключают друг друга, но сосредотачивают внимание на двух различных явлениях, в каждом из которых центральную позицию занимает определенный тип знания. В первом подходе знание неотделимо от навыков в том смысле, что оно определяет возможности действия. Знание — это то, что раздвигает границы возможного и делает эффективными действия. Это знание может относиться к банальным актам повседневной жизни в обычной ситуации, но это может быть и гораздо более тонкое знание, необходимое для умозаключений. В этом подходе внимание экономистов и «экспертов» занято прежде всего научно-техническими видами деятельности. Эта когнитивная деятельность имеет последствия, значимые с точки зрения производительности и профессиональной компетенции. В этой перспективе знание растет, когда увеличивается число возможных (и эффективных) действий. Здесь мы находимся в области, где знание кумулятивно, где деятельность вписывается в некий запрограммированный список работ, в проект или план. В каком-то смысле главное усилие здесь состоит в структурировании соответствующих процессов и управлении ими. Предполагается, что процесс производства знания или его распространение (образование) управляем, даже если его исход не всегда определен. Во втором подходе знание является синонимом ума, вернее, способности решать новые проблемы. Здесь мысль мобилизуется уже не с целью достижения заранее заданной цели. Ситуации здесь априори не определены и слабо или вообще никак не структурированы. В этих обстоятельствах горизонт практических возможностей должен быть всякий раз заново развернут, перестроен или пересмотрен. Функцией разума является здесь освобождение действия от комплекса сдерживающих программ и референций, разработка новой парадигмы дей-

ствия. Знание — это то, что делает возможным проявление и утверждение творческого разума⁵⁶. Знание (в смысле разума), определяющее потенциал реагирования и принятия решений в ситуации новых проблем, не является кумулятивным в том же смысле, что первая форма знания. В зависимости от ситуации требуется применение различных характеристик и способностей. Конкретной реакцией на ситуацию может быть и разрыв. Здесь мы находимся в регистре изменения парадигм, творчества и радикальной новизны. Если посмотреть на фирмы, то деятельность по исследованию и внедрению, например, отвечает первому типу знания. Стратегические вопросы, способные перевернуть правила конкурентной игры, отвечают второму типу.

Объяснить это различие можно и по-другому, через противопоставление человека производящего человеку действующему, через уподобление труда производству, а творчества — действию. Действие в этом контексте наделяют тем специфическим смыслом, который ему придала Х. Арендт. Согласно ей, «когнитивные процессы в науке не отличаются принципиально от познания в производстве; научные результаты познания вливаются в копилку человеческого мастерства наряду с прочими предметами»⁵⁷. Она отличает познание от мышления (производящего «бесполезное и чуждое материальным и интеллектуальным потребностям ‘человека производящего’ (*homo faber*), чуждое как его физическим потребностям, так и его жажде познания»), а также две эти категории — от логического рассуждения («своего рода интеллектуальной силы, во многих отношениях сходной с силой рабочей...»). Умственные процессы, лежащие в основе этой силы, и есть то, что называется умом, «который можно измерить при помощи тестов точно так же, как измеряют физическую силу». По мнению Арендт, «эта умственная сила и обязательные логические процессы, которые она порождает, неспособны создать мир... они так же чужды миру, как обязательные процессы жизни, труда и потребления». Мы находим свое место в мире при помощи действия и речи, включение в мир не навязано нам ни необходимостью (как работа), ни пользой (как созидание). Действие, благодаря которому люди отличаются друг от друга и «благодаря которому они выглядят в глазах друг друга людьми», зиждется на инициативе. Действовать «означает брать на себя инициативу, предпринимать (как указывает греческое *archein* — «начинать», «управлять» и «руководить»), приводить в движение». В этом смысле ‘действовать’ значит создавать нечто новое. Если человек способен действовать, это означает, что с его стороны можно ожидать что-то неожиданное, «что он способен сделать то, что является бесконечно маловероятным».

Со времени выхода *Теории экономической эволюции* Шумпетера (1911) экономисты привыкли учитывать это творческое измерение челове-

⁵⁶ Joas 1992.

⁵⁷ Arendt 1958.

ской деятельности. Различие между двумя подходами метафорически близко шумпетеровскому противопоставлению между циклом и эволюцией, противопоставлением двух экономических режимов функционирования системы. Вернемся к действию в понимании Арендт. Согласно ей, действию необходима речь:

Без сопровождения речи действие потеряло бы не только свой характер откровения, но и некоторым образом своего творца; людей больше не было бы, а были бы только роботы, выполняющие действия, остающиеся непонятными с человеческой точки зрения... Действующее лицо, агент возможен, только если он одновременно является творцом слова; поступок обретает смысл только при посредстве слова, в котором творец идентифицирует себя как агента.

Действие и речь разворачиваются в некоей *сети* — Арендт использует это слово, начиная с *The Human Condition* (1958). Действие как деятельность, отличная от производства, никогда не было возможно в изоляции: «быть в изоляции значит быть лишенным способности действовать... Действие и речь окружены сетью поступков и речью других и постоянно находятся с ними в контакте».

Вслед за Арендт тему продолжили философы и экономисты — сторонники тезиса о когнитивном капитализме (Вирно, Марацци, Негри). Они развивают ее, в частности, в плане идеи языковой деятельности как характерного когнитивного и реактивного поведения работников в когнитивном капитализме. Мы видим в распространении характеристик, свойственных знанию, на языковые и коммуникативные виды деятельности скорее дополнение когнитивным факторам, чем альтернативу им. Во всяком случае в своей *Империи* Негри и Хардт рассматривают коллективный разум (*general intellect*) как «инкорпорированность науки, коммуникации и языка в производительную силу».

Другой важный момент, которым Арендт предвосхитила наступление когнитивного капитализма, — это публичный и политический характер труда. Раз действие выступает особым свойством человеческой инициативы и творчества или способности начинать, учреждать нечто новое, то оно немислимо вне пространства взаимовидимости, иначе говоря, вне публичной сферы. Современный исследователь при всех различиях прямо продолжает эту мысль, утверждая, что «когда мышление врывается в процесс производства, оно перестает быть невидимой деятельностью и становится чем-то внешним или публичным»⁵⁸.

Надеемся, что сказанного достаточно, чтобы показать, что подойти к пониманию когнитивного капитализма и выделить социальные условия, делающие возможным (если не необходимым) преодоление промышленного капитализма, можно только с точки зрения открытой и освобождающей концепции знания.

⁵⁸ Virno 2001.

2. Центральный очаг напряжения когнитивного капитализма. Первое проявление

Только что представленную дифференциацию можно интерпретировать как реальную дивергенцию, как проявление двух несовместимых позиций. Но разумнее истолковывать ее как дифференциацию способов функционирования. Эта дифференциация выражает диалектическую реальность когнитивного капитализма, но и дисциплинарные различия: с одной стороны, институционалистская экономика, с другой — социологический и политический подход. В результате этой дифференциации возникает очаг напряжения, который можно представить следующим образом. Современные, в особенности капиталистические общества, мыслят себя в первую очередь как технологические и восславляют научный прогресс и знания⁵⁹, при этом они склонны планировать прогресс, а лидеры, как частные так и публичные, стремятся принять в этом участие. Отсюда проблематика условий ассимиляции и совместимости познавательной способности и капиталистических институтов. Эта проблематика не есть нечто само собой разумеющееся, поскольку международные организации и многие эксперты замалчивают трудности, апории и даже противоречия этой мутации. Эта проблематика часто вписывается в концептуальные или теоретические рамки, ограничивающие предмет изучения, создающие картину мира, лишённого подлинной способности к творчеству и изменению, т. е. способности к *действию* (в том взыскательном смысле слова, о котором мы говорили только что). Все происходит, как если бы мы находились в мире, где все превращено в рутину и где принимаются во внимание только изменения, появляющиеся как нарушение равновесия и разлад точности установки, на которые субъекты реагируют абсолютно рационально, т. е. через расчет, алгоритм и прецедент. Тем самым определен центральный очаг напряжения: с одной стороны, на основе рутинной концепции знания происходит сближение когнитивных и производственных видов деятельности. В знании видят то, что позволяет реагировать, быстро приспосабливаться к изменениям, производить и мыслить в рамках структурно запрограммированного процесса. С другой стороны, под знанием понимается интеллект участников, которые, будучи в новых, критических или враждебных ситуациях, совершают фактически новые, т. е. творческие действия. Напряжение порождено разрывом между стремлением к творчеству (как реакции на зов подлинной свободы) и ситуацией, в которой способность к действию сдерживается и ограничивается рамками организационно-институциональной структуры. В различных ситуациях и при различных обстоятельствах когнитивный капитализм будет следовать траектории эволюции, которая является результатом компромисса или равновесия между действием и «когнитивным трудом».

⁵⁹ Paulré e.a. (éds) 2006.

Это напряжение можно проиллюстрировать на таком примере. В тэйлористской системе знание и физическое существо исполнителя были разделены; в новом производственном укладе ставка делается на коммуникационные и когнитивные способности. Востребованность быстроты реакции, неопределенность, необходимость быстрого принятия решений и относительная автономия агентов производства приводят к созданию гибких систем. Труд на предприятии стал когнитивной деятельностью, связанной с информацией и коммуникацией, которая все больше захватывает индивида. Происходит переход от тэйлористской логики отчуждения знания от действия к логике воссоединения. Встает вопрос о природе этой когнитивной и коммуникационной деятельности, которая является и преимуществом, и возможным очагом напряжения. При тэйлористской системе исследовательские отделы изучали навыки рабочих в целях рационализации производства. Это было возможным, пока сохранялась относительная стабильность промышленности, при монотонной деятельности, но как только исполнительский опыт персонала начал меняться из-за нестабильности производственной системы, такой образ действий устарел. Теперь и персонал, и производственные структуры вовлечены в постоянное обучение и преобразование. Отсюда ускорение и интенсификация рационализирующих практик. Прежде всего происходит навязывание нормализованного языка, языка технико-коммерческого. Затем работника побуждают контролировать время и вовлеченность в процесс труда, развивать готовность и способность быть в распоряжении работодателя и вести себя одновременно как менеджер и как бухгалтер своих компетенций. Он должен быть способен рационализировать свою карьеру. Не чревата ли конфликтами та ситуация, где знание, мобилизации и приращения которого от него ожидают и требуют, отнюдь не способствует развитию личности и ее автономии, а его форма и содержание полностью предписаны?

Подчеркнем, что смысл и задача когнитивного капитализма состоит в контроле над знанием: контроле над использованием знания, контроле над вложениями в знания и контроле над их последствиями. В значительной степени изучать когнитивный капитализм означает эвристически и критически исследовать контроль над знанием, информацией и творчеством в современных технологических обществах. Ясную форму эта проблема приобретает в вопросе об управлении деятельностью: может ли когнитивная деятельность быть уподоблена труду и рассматриваться как экономический аналог любого другого вида работы? Или следует видеть в ней проявление и возможность для определенной свободы? Хотя вопрос сформулирован в терминах напряжения, понятно, что, полагая вопрос о возможности творческого самовыражения в труде еще открытым, мы проявляем известный оптимизм. Эта открытость вовсе не очевидна. Вернемся к уже упомянутому выше восславлению научно-технического прогресса в современных обществах. Мы могли бы продолжить рассуждения в гораздо более негативном тоне. Действительно,

это восславление происходит в контексте, в котором общество полностью превращено в общество работников и «уже забыло о высших и действительно обогащающих видах деятельности», ради которых стоило бы освободиться от «цепей работы»⁶⁰. Хотя люди науки и сохранили привилегию действия, они, «воздействуя не на сеть человеческих отношений, а на природу с точки зрения вселенной» (ibid.), упускают характерную суть действия⁶¹. Мы можем ответить на, возможно, преувеличенный пессимизм Арендт, возвращаясь к более глобальной, исторической и политической перспективе. Это позволит нам иначе проиллюстрировать главный очаг напряжения когнитивного капитализма.

3. Центральный очаг напряжения когнитивного капитализма. Второе проявление

Здесь мы опираемся на исследования А. Негри и историческую динамику современного капитализма. Поскольку итальянский социальный опыт отличается от французского, исследования, вдохновленные операизмом, проливают свет на условия, в которых стало возможным фундаментальное изменение форм накопления и подключение к ним аспектов творчества. За точку отсчета мы могли бы взять положение о том, что подъем фордизма и созданные им противоречия находят свое выражение уже не только в конфликте, связанном с инструментами контроля над производственными силами и простым перемещением конфликта в новую производственную парадигму, характеризующуюся «гибкой специализацией»⁶²: борьба частично переросла логику жалоб-требований в рамках существующих институтов власти и перешла к устремлениям, доходящим до отказа от работы или до практик, которые в ключе новых субъективностей и логик по-новому артикулируют рабочее и нерабочее время. Антагонизм «массовидного рабочего» характеризуется отказом от работы в той форме, которую ему навязывают хозяева.

В отличие от некоторых экономических исследований, направление, вдохновленное итальянским операизмом, основывается одновременно на конфликтном видении взаимоотношений работника и капитала и на более творческом взгляде на поведение рабочих. Негри отмечает, что «история капитализма состоит из решительных ответов на атаки рабо-

⁶⁰ Arendt 1958.

⁶¹ Через сорок лет мы уже не можем удовлетвориться этой оценкой. Следует задаться вопросом о способности ученых к действию и о месте науки и технологии в современном мире. Такие вопросы находятся сейчас в центре многих дебатов. Именно по этой причине гипотезу о когнитивном капитализме нужно признать правомочной и заслуживающей развития. В этом контексте можно также задать вопрос, остались ли люди науки единственной группой, сохранившей привилегию действия. Как быть с действием политическим и особенно с художественным творчеством?

⁶² Piore & Sabel 1984.

чего класса... Капитализм находит источник энергии в тех самых сдвигах, которые ему навязаны и которыми он должен овладеть». Причинность здесь определена вполне недвусмысленно. Путеводной нитью *Империи* является осмысление глобализации; она описывается как реакция капитализма на стремление «множества» к «детерриториализации». Книга основывается на парадоксальном утверждении: построение капиталистической империи есть победа пролетариата.

Принятая Майклом и мною модель объяснения состоит в том, что рабочее движение представляет собой ключевой момент развития. Капиталистические формы управления и извлечения стоимости несомненно появились как следствие движения пролетариата. Это фундаментальный тезис, на котором мы строим все наше рассуждение.

Негри склонен отрицать какую-либо инициативу или автономное развитие капитала, отрицая его изобретательность и отменяя идею циклической регулярности развития. «Капитал обладает способностью к реакции, но не к изобретению. Поэтому мы настаиваем на том, что функция капитала становится все более паразитической». Хардт и Негри рассматривают социальные перемены как результат борьбы против институтов власти и эксплуатации. Множество⁶³ как оно проявляется в миграциях и нематериальном труде по существу автономно и ускользает от подчинения. Фундаментальной темой становится, таким образом, рабочая автономия, основанная на знании и *general intellect*, и способная освободить труд от капитала. Капитализм, как его видит Негри, выходит из собственных стен и каких-либо границ и, следовательно, не имеет более никакого «вовне». Мы разделяем этот подход. Как уже подчеркивалось, значительное число границ, свойственных промышленному капитализму, стали размытыми. Это особенно видно в производственном секторе, что стало объектом пристального внимания экономистов. Предприятие — уже не то предприятие, с которым мы привыкли иметь дело. Скажем больше: и капитал — уже не тот капитал...

Но Негри заходит слишком далеко. Он настаивает на открытости всех пространств: труда (он везде), производства (у него уже нет специально отведенного места), нации (империя, глобализация), знания (глобальная неделимость). Мир не имеет ни границ, ни структуры. Наше согласие с таким видением не безоговорочно, но различия между нами — не в принципе, а в степени. Достаточно признать эту метаморфозу тенденцией, а не законченным процессом, чтобы констатировать: грани-

⁶³ «Концепция множества (*multitude*) есть концепция множественности единственного, конкретно-всеобщего. Народ представляет собой социальное тело, множество — нет... Если мы противопоставляем множество народу, мы должны противопоставить его также массам и плебсу... Множество является активным социальным агентом, действующей множественностью. Множество не является, как народ, единством, но оно организовано. Это в самом деле активный агент самоорганизации» (Negri 2002).

цы и дробления (старые или новые), пусть и ослабленные, появляются вновь со своими функциями и со своим весом, которые необходимо оценивать соответственно текущим мутациям и динамике развития. Там, где Негри видит законченную форму (часто называемую постфордизмом), мы предлагаем принять незаконченную реальность, скорее находящуюся в процессе становления, чем уже ставшую. Уже с первых работ о когнитивном капитализме (т. е. с 2000 г.) мы подчеркивали, что новой форме капитализма присущ характер тенденции, а не свершившегося события. Возможно, мы остаемся в плену у нашей позиции экономиста, задающей некоторые категории, от которых, может быть, следовало бы отказаться или которые следовало бы переосмыслить. Но эта работа продолжается, и задачей тезиса о когнитивном капитализме как раз и является определить ориентации и мотивы такого переосмысления. Поэтому, в частности, мы предлагаем исследовать ситуацию в терминах *напряжения* и его очагов.

С нашей точки зрения, Негри находится в регистре утопии, если употребить это слово в особом, а не в исходном смысле. Скажем прямо: именно это и составляет силу, интерес и мобилизирующий характер его мысли. Если ей свойствен известный оптимизм, некая, по словам одного рецензента, «экспансивная радость», то нам «сегодня необходима логика такого типа, которая дает перспективу перемены, контрастирующую с тотальной мрачностью текущего момента, настолько пропитанного насилием и несправедливостью, что всякая попытка кардинального изменения кажется обреченной на провал»⁶⁴. Невозможно яснее выразить вклад Негри.

Заключение

В гипотезе о когнитивном капитализме понятие знания часто рассматривается очень широко, под знанием подразумеваются все творения духа. Указывая на подъем роли знания, мы говорим не только о производительном знании, но и о вовлеченности ума в игровую деятельность и конечное потребление (игры, развлечения и т. д.). Когнитивный капитализм не является, таким образом, гипотезой о появлении новой (постфордистской) производственной модели. Это гипотеза о новой логике глобального функционирования капиталистических экономических систем.

Капитализм когнитивной эпохи сталкивается с тем, что одни назовут трудностями, другие — противоречиями. Андре́ Горц утверждал, что когнитивный капитализм — это кризис капитализма. Однако это кризис нового типа, связанный, как мы видели, со спецификой информационного «блага». Мы полагаем, что кризис когнитивного капитализма, который мы предпочитаем обсуждать в терминах напряжения, лежит в другой

⁶⁴ Macherey 2004.

плоскости. Этот кризис не является результатом факта снижения затрат на копирование данных. Он не является и результатом факта судебных тяжб по поводу интеллектуальной собственности. Все это не ново: хотя и произошло обновление форм, эти вопросы были поставлены уже в XIX веке. Кризис когнитивного капитализма и его основное напряжение являются результатом того факта, что никогда, как сейчас, не был так велик риск тэйлоризма (в форме некоторого когнитивного неотэйлоризма) в силу технологий, им порождаемых, и никогда он не был так опасен, ибо теперь он затрагивает дух человека. Никогда еще идеологическое воздействие на человека не было так сильно. Никогда еще роль средств массовой информации не вызывала такую тревогу.

Кризис занятости, кризис краткосрочного трудоустройства, кризис свободы и кризис творческих способностей — каждый из этих кризисов опасен, даже взятый в отдельности. Рассмотренные в совокупности, они создают смутное чувство вероятности кризиса глубокого и драматического.

Перевод Екатерины Собенниковой-Гигакс

Библиография

- Arendt H., *The Human Condition*, Chicago UP 1958. [*Vita activa, или о деятельной жизни*, пер. В. Бибихина, СПб: Алетейя 2000]
- Arrow K., “Economic Welfare and Allocation of Resources for Inventions”, in R. Nelson, ed., *The Rate and Direction of Inventive Activity*, Princeton UP 1962.
- Bateson G., *Vers une écologie de l'esprit*, tome 1, Seuil 1977. [*Шаги в направлении экологии разума*, пер. Д. Федотова, УРСС 2005]
- Berger G., *Recherches sur les conditions de la connaissance*, PUF 1941.
- Billaudot B., *L'ordre économique de la société moderne*, L'Harmattan 1996.
- Boyer R., *La théorie de la régulation*, La Découverte 2004.
- Boyer R. & Saillard Y., *Théorie de la régulation : État des savoirs*, La Découverte 2002.
- Braudel F., *La dynamique du capitalisme*, Flammarion [1976] 1985.
- Cohen W. & Levinthal D., “Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation”, *Administrative Science Quarterly* 35 (1990).
- Coriat B., “Droits de propriété intellectuelle”, *Revue d'économie industrielle* 99 (2004).
- Corsani A., Dieuaide P. & Azais C., eds, 2001, *Vers un capitalisme cognitif. Entre mutation du travail et territoire*, L'Harmattan 2001.
- Corsani A., Dieuaide P., Lazzarato M., Monnier J.M., Moulier Boutang Y., Paulré B. & Vercellone C., *Le capitalisme cognitif comme sortie de la crise du capitalisme industriel. Un programme de recherche*, Colloque de l'école de la Régulation des 11–14 octobre 2001, Paris.
- Cotta A., *Le capitalisme*, coll. Que sais-je? PUF 1977.
- Deprez A., *Compétences et qualifications. Mise en perspective et positions d'acteurs*, Service des Études et de la Statistique du Ministère de la Région wallonne 2002.

- Dieuaide P., "Travailler avec les TIC. Entre précarité et révolution de l'agir", *Terminal* 97–98 (2006).
- Dieuaide P., Paulré P. & Vercellone C., *Le capitalisme cognitif*, Journées MATISSE 2003.
- Ellul J., *Le système technicien*, Calman-Lévy 1977.
- Etzkowitz H. & Leydesdorff L., "The Triple Helix as a model for innovation studies", *Science and Public Policy* 25, 3 (1998).
- Etzkowitz H. & Leydesdorff L., "The transformation of University-industry-government relations", *Electronic Journal of Sociology* 5, 4 (2001).
- ERT (European Round Table), *Une éducation européenne, vers une société qui apprend*, Rapport de la Table ronde européenne des industriels 1995.
- Foucault M., *Naissance de la biopolitique*, Cours au Collège de France, 1978–79, Gallimard-Seuil 2004.
- Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schartzman S., Scott P. & Trow M., *The New Production of Knowledge : The Dynamics of Science in Contemporary Societies*, Sage 1994.
- Gorz A., *L'immatériel*, Galilée 2003.
- Habermas J., *La technique et la science comme 'idéologie'*, Gallimard [1968] 1973.
- Jessop B., *Narrating the Future of the National Economy and the National State. Remarks On Remapping Regulation and Reinventing Governance*, Lancaster UP 2002.
- Joas H., *La créativité de l'agir*, Cerf [1992] 1999.
- Kline S. & Rosenberg N., "An Overview of Innovation", in R. Landau & N. Rosenberg (eds), *The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth*, National Academy Press 1986.
- Lazzarato M., *Les révolutions du capitalisme*, Les Empêcheurs de penser en rond 2004.
- Lazzarato M. & Negri A., Travail immatériel et subjectivité, *Futur antérieur* 6 (1991).
- Lebert D. & Vercellone C., "L'économie de la connaissance et de l'immatériel, entre théorie et histoire : du capitalisme industriel au capitalisme cognitif", in *L'économie industrielle en mutation (=Cahiers lillois d'économie et de sociologie* 2004).
- Lichtenberger Y., "Compétence, organisation du travail et confrontation sociale", *Formation emploi* 67 (1999).
- Liotard J.-F., *La condition post-moderne*, Minuit 1979.
- Macherey P., "Analyse critique du livre de Michael Hardt et d'Antonio Negri, *Multitude*, guerre et démocratie à l'âge de l'Empire", manifestation de Citéphilo au Palais des Beaux-Arts de Lille, 19 novembre 2004.
- Machlup F., *The production and distribution of knowledge in the United States*, Princeton UP 1962.
- Marazzi C., "Le langage comme moyen de la production marchande", *Multitude* (on line) 1996.
- Marcuse H., *L'homme unidimensionnel : essai sur l'idéologie de la société industrielle avancée*, Minuit [1964] 1968.
- Martin H.-P. & Schumann H., *Le piège de la mondialisation*, Actes Sud [1996] 1997.
- Marx K., *Le Capital*, Pléiade, Gallimard, 1968. [Капитал].
- Marx K., *Grundrisse*, Pléiade, Gallimard, 1968. [Экономико-политические рукописи 1857–59 гг.]
- Mélèse J., *Approches systémiques des organisations*, Hommes et Techniques 1979.
- Michea J.-C., *L'enseignement de l'ignorance*, Climats 1999.

- Monnier J.-M. & Vercellone C., "Travail et protection sociale à l'âge du capitalisme cognitif : La proposition de revenu social garanti", in A.-T. Dang, J.-L. Outin & H. Zajdela (ed.), *Travailler pour être intégré? Mutations des relations entre emploi et protection sociale*, CNRS 2006.
- Monnier J.-M. & Vercellone C., "Crise et réforme du système de protection sociale à l'heure du capitalisme cognitif : la proposition du revenu social garanti", *Multitudes* (on line) 2006.
- Moulier Boutang Y., "La troisième transition du capitalisme : travail immatériel et externalités", in Ch. Azaïs, A. Corsani & P. Dieuaide (éds), *Vers un capitalisme cognitif. Mutations du travail et territoire*, L'Harmattan 1998.
- Mowery D., "Economic Theory and Government Technology Policy", *Policy Sciences* 16 (1983).
- Negri A., "Pour une définition ontologique de la multitude", *Multitudes* 9 (2002).
- Negri A., "Réponse à Pierre Macherey", *Multitudes* 22 (2005).
- Negri A., "La multitude contre l'Empire", *ContreTemps* 2 (2001).
- Negri A., "Vingt thèses sur Marx", in *Marx après les marxismes*, L'Harmattan 1997.
- Negri A., *La fabrique de porcelaine*, Stock 2006.
- Nelson R. & Winter S., *An Evolutionary Theory of Economic Change*, Harvard UP 1982.
- O.C.D.E., *Adult Learning and Technology in OECD Countries*, OCDE, 1996.
- Paulré B., "Apprentissage et systémique, l'analyse du changement technique : entre préformisme et constructivisme", in *Économies et Sociétés, Série dynamique technologique et organisation* (série W), 1 (1993).
- Paulré B., "Issues and dilemmas in cognitive economics", in C. Lesage & M. Cottrell, eds, *Connectionist Approaches in Economics and Management Sciences*, Kluwer 2003.
- Paulré B., ed., *Self-organization = European Journal of Economic & Social Systems*, 18/2 (2005).
- Paulré B., Craipeau S., Dubey G. & Musso P., éds, *La connaissance dans les sociétés techniques*, 2006.
- Piore M. & Sabel Ch., *Les chemins de la prospérité, De la production de masse à la spécialisation souple*, Hachette [1984] 1989.
- Polanyi M., *Knowing and Being*, Routledge & Kegan Paul 1969.
- Porat, M., *The information economy: sources and methods for measuring the primary information sector*, Washington, DC: US Department of Commerce 1977.
- Reich R., *The work of nations. Preparing ourselves for 21st century capitalism*, N.Y.: Vintage 1991.
- Segal E., *Les compétences «relationnelles» en question*, Centre Pierre Naville 2005.
- Schlanger J., *Une théorie du savoir*, Vrin 1978.
- Schumpeter J., *Théorie de l'évolution économique*, Dalloz [1911] 1938.
- Shapiro C. & Varian H., *Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy*, Harvard Business School Press 1998.
- Simon H., *Administrative Behavior*, Free Press 1947.
- Tertre C. du, "ARTT, services et nouveau régime de croissance", *La Revue de la CFDT* 32 (2000).
- Touraine A., *Production de la société*, Seuil 1973.
- Ughetto P., Besucco N., Tallard & C. du Tertre, "La relation de service : une tension vers un nouveau modèle de travail? *Revue de l'IRES* 39 (2002).

- US Department of Commerce, *Digital Economy*, 2003.
- Utterback J., *Mastering the Dynamics of Innovation*, Harvard Business School 1996.
- Vercellone C., “Les réformes du Gouvernement Raffarin ou le capitalisme cognitif contre l'économie de la connaissance”, *Multitudes* (on line) 2004.
- Vercellone C., “Sens et enjeux de la transition vers le capitalisme cognitif : une mise en perspective historique”, Conférence, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 12 octobre 2004.
- Vercellone C. (ed.), *Sommes-nous sortis du capitalisme industriel?* La Dispute 2003.
- Virno P., *Grammaire de la multitude*, L'Éclat [2001] 2002.
- Voge J., *Le complexe de Babel*, Masson 1997.
- Volle M., *E-économie*, Economica 2000.
- Wolff E. & Baumol W., “Sources of Postwar Growth of Information Activity in the United States”, in L. Osberg, E. Wolff & W. Baumol, eds, *The Information Economy: The Implications of Unbalanced Growth*, Institute for Research on Public Policy 1989.
- Zarifian P., *Travail et communication. Essais sociologique sur le travail dans la grande entreprise industrielle*, PUF [1996] 1998.
- Zarifian P., *Quels modèles d'organisation pour l'industrie européenne? L'émergence de la firme coopératrice*, L'Harmattan 1993.